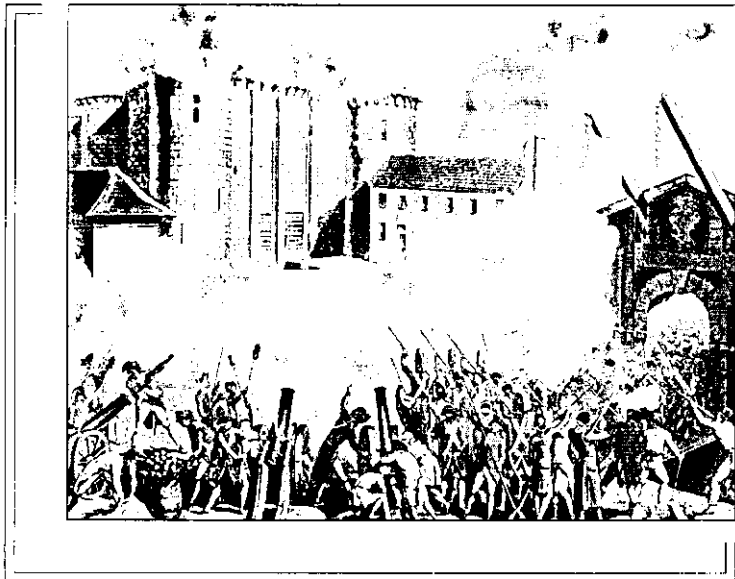

Глава 8

Политическое изменение

Программные тезисы

- Природа, сходство и отличие категорий политического изменения и политического развития.
- Проблематика изменений в ретроспективе: от античности к просвещенческой линейно-прогрессивистской схеме политического развития; от пессимистических концепций «кризиса западной цивилизации» конца XIX — начала XX в. к восстановлению оптимистических представлений о перспективах развития в концепциях модернизации в середине XX в. Главные тезисы общей теории политического развития.
- Дихотомия традиционное — современное как ядро теории модернизации. Закрытые традиционные общества. Разновидности переходных обществ. Основы современного общества. Политическое развитие как рост сложности, специализации и дифференциации политических институтов. Недостатки классической теории модернизации.
- Типы политического изменения: реформа, революция, переворот, реставрация, пересмотр конституции. Систематизация их объяснений и основные характеристики.
- Категория Современности/Модерна. Качества Современности. Политическая модернизация — процесс, ведущий к становлению современных демократических политий, ее предпосылки и факторы. Модели модернизации Д. Растоу и С. Хантингтона.
- Спонтанная (первичная) и направляемая (вторичная) модернизация. Проблема «догоняющего» развития («позднего старта»).
- Тематика переходных обществ. Переоценка положений теорий модернизации. Политическая модернизация как типологическое состояние: концепции и реальность.

Проблемные вопросы

1. Какова природа политических изменений?
2. Что общего и особенного в категориях политического изменения и развития?
3. Как исторически менялись представления о развитии?
4. Общества традиционные и общества современные: принципы типологии.
5. Как соотносятся развитие и модернизация?
6. С чем был связан рост интереса к проблемам развития и модернизации в середине XX в.?
7. Что такое Современность/Модерн? Какие качества присущи современному обществу?
8. С какими проблемами сталкиваются переходные общества? Как реагирует на них политическая наука?

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

1.1. Природа политического изменения

Все живое, наделенное разумом, непременно движется, изменяясь во времени и пространстве. Это его способ существования. С философской точки зрения, изменение — естественная форма бытия всех объектов и явлений, представляющая собой постоянный переход из одного состояния в другое. Ученые очень убедительно доказали, что в истории не было и не может быть лишённых действия и развития человеческих сообществ.

Изменение в широком смысле включает в себя все эволюционные процессы, а также возникновение новых явлений в мире, потому категории **политического изменения*** и **политического развития*** тесно связаны и соотносятся друг с другом, следовательно, они обычно рассматриваются воедино. Эти понятия принадлежат к числу наиболее важных и часто употребляемых в современной политической науке.

Каждая полития - - живой организм, подчиняющийся внутренней логике саморазвития и реагирующий на стимулы и вызовы, которые поступают как со стороны общества, так и из внешней среды. Истоки динамики политических систем заключаются в диалектике развития, в разрешении внутренних противоречий и в ответах на внешние воздействия. Политический процесс можно и должно объяснять как определенные перемены в состояниях политической системы, обеспечивающие цикл ее воспроизводства (становление, функционирование, развитие с выходом на более высокий уровень). Вместе с тем между понятиями политического процесса, политического изменения и развития есть существенное различие. Если процесс воспроизводит политическую систему, то изменения и развитие представляют собой не просто преобразование внутренних свойств системы, а еще и ее переход в иное качественное состояние либо смену одного системного типа другим. Политическое развитие позволяет также создать довольно сложные и защищенные от влияния других подсистем общественных отношений институты, способные включать в свою орбиту и упорядочивать участие в политике новых групп, стимулировать социально-экономические перемены.

Политические изменения постоянны, поскольку нет неизменных, т.е. полностью статичных, политических систем, равно как и совершенно застывших в одном состоянии, неразвивающихся обществ. Однако следует все же разграничивать два вида развития — *динамическое*, которое основано

на необходимости постоянного движения, диктуемого логикой индустриального общества, и *стационарное* (лат. stationarius — неподвижный), подпитываемое слабыми социальными импульсами, не выводящими из **гомеостаза*** структуры традиционного типа.

Сам процесс становления современного индустриального общества делает движение вперед необратимым, а политическое развитие — поступательно-восходящим. Долговечность политий, их совершенствование зависят от возможностей обществ изменяться и приспосабливаться к новым обстоятельствам. Сверх того стабильность политической системы отнюдь не равноценна отсутствию изменений в ней. Напротив, устойчивость — это характеристика системной способности адаптироваться к внутренним и внешним влияниям и к органическим, ненасильственным изменениям в составе политической элиты, в распределении материальных и информационных ресурсов и т.д. Политическое развитие системы отражает ее активную реакцию на структурные, финансовые, ресурсные и иные кризисы современного индустриального общества, указывающие на недостатки его устройства. Мобилизуя свой незадействованный потенциал и проводя перегруппировку социально-политических сил, общество тем самым может воссоздать жизнеспособность политической системы уже на более высоком уровне равновесия.

Политическое изменение по-разному влияет на адаптивные возможности политических систем. В одних случаях система, мобилизуя внутренние ресурсы, сравнительно легко приспосабливается к новым потребностям и преобразованной среде, а значит, самостоятельно перемещается на более высокий уровень устойчивости. Во втором варианте одну политическую систему, неспособную к самообновлению, сменяет другая, следовательно, движение имеет направляемый характер и осуществляется, как правило, в форсированном режиме, неизбежно повышающем нагрузку на политические институты, социально-культурную среду и отдельные группы общества.

Интерпретация

Сэмюэл Хантингтон и Хосе Домингес определили политическое развитие следующим образом: это «схема изменений, происходящих в обществе определенного типа вследствие конкретных причин и направленных на цели, достижение которых функционально необходимо для данного общества» («Справочник по политической науке», 1975).

Ученые считают, что развитие происходит через изменения и означает рост: 1) сложности (диверсификация); 2) специализации; 3) дифференциации политических институтов данного общества.

Обратите внимание

Двумя классическими, хотя и разными по направленности изменениями, примерами усложнения, специализации и дифференциации политических систем можно считать послефранкискую Испанию и современную Южную Корею. В обоих государствах — их население слабо воспринимало идеи политического представительства — становление современных институтов (т.е. политическое развитие) было реакцией на создание основ индустриального общества, которое не могло прогрессировать дальше без появления эффективной системы обратных связей «общество — государство».

Образованию системы политического представительства в послефранкискской Испании благоприятствовал относительно высокий социально-экономический уровень, достигнутый за годы авторитаризма. Среди факторов, ускоривших политические изменения, выделяется организация конструктивного реформистского блока сил центристской ориентации.

Форсированный рост экономики имел следствием формирование индустриального общества в Южной Корее, с конца 1970-х гг. все настойчивее требовавшего свободы самовыражения. Со второй половины 1980-х гг. политическая либерализация довольно быстро преобразила южнокорейский социум, способствовала развитию партий, утверждению принципов представительства интересов как общезначимой социальной нормы. Политическое развитие явно стимулировал устойчивый экономический рост, позволивший массовому сознанию естественно усваивать новые для Южной Кореи представления и ценности.

Институционализация политического представительства путем усложнения, специализации и дифференциации всего комплекса социальных отношений создает благоприятные условия для выражения и осуществления самых многообразных интересов. Вывод из сказанного: в современном мире политическое развитие присуще системам разных типов и уровней — как авторитарным, так и демократическим, причем его стимулом служат экономические факторы индустриального типа.

Интерес к проблематике политического изменения и политического развития в современной политологии в последние десятилетия явно растет. Данная тенденция непосредственно связана с появлением после Второй мировой войны множества новых государств, а значит, политических систем, с необходимостью понимания траектории их продвижения вперед, к более совершенным политико-экономическим состояниям.

Интерпретация

Дэвид Антер пишет, что «новая» сравнительная политология с ее акцентом на проблемы развития появилась в атмосфере общего оптимизма послевоенного периода. «Предпосылки и перспективы развития представлялись благом, злом же считались коммунизм и холодная война». Такой постановкой вопроса воспользовались страны третьего мира, балансировавшие между США и СССР. Для американцев политическая проблема глобального распространения своего влияния сводилась к необходимости сочетания деколонизации, демократизации новых государств и переориентации их национализма на нацистронительство, что требовало экономического роста. Для осуществления такой программы стала очень полезной теория развития, предполагавшая, что развивающийся мир обязательно воспроизведет основные политические, социальные и культурные ценности и институты западных индустриальных стран («*Политическая наука: новые направления*»).

1.2. Становление проблематики политического изменения и развития в ретроспективе

Сама тема изменений далеко не нова для политической науки. Еще в античности философы выделили ее и по-своему исследовали. Проблемы устойчивости государств и политических изменений были в центре внимания уже *Платона* и *Аристотеля*. Появившаяся в их работах типология грех «правильных» форм правления (аристократия, монархия и полиархия) и трех «неправильных» (тимократия, деспотия и демократия) описывала определенную политическую динамику перехода от одной из них к другой. Однако эти мыслители сделали разные выводы. Платон — пессимист, он видел в современном ему политическом мире по преимуществу вырождение, понимаемое как череда перемен, движение от аристократии к тимократии, затем к олигархии, от нее — к демократии и, наконец, к тирании.

Обратите внимание

Тимократия (или тимархия — гр. time — честь, богатство), по Платону, система правления, основанная на честолюбии, соперничестве и «яростном духе» и представляющая собой промежуточную форму вырождения аристократического правления (предшествует олигархии), при котором у власти находятся немногие правители-воины. Благо и цель их деятельности — личная воинская доблесть и слава. Тимократия, таким образом, является военным государством, постоянно участвующим в вооруженных конфликтах. Аристотель относил тимократию к худшим типам правления.

Появление человека экономического (homo economicus).

Вверху: Влиятельный торговец и банкир Якоб Фуггер (XV–XVI вв.) из г. Аугсбурга со своим бухгалтером. Акварель.

Внизу: Мензла с женой. Картина Квентина Массейса, 1514.

Вышеназванная типология форм правления и их восходящего или нисходящего развития — одна из наиболее действенных концептуальных схем в истории политической мысли. В тех или иных вариациях она присутствует в трудах таких выдающихся мыслителей, как *Цицерон*, *Никколо Макиавелли*, *Жан Боден*, *Джон Локк*, *Шарль Луи Монтескьё* и др. Но только эпоха Просвещения внесла принципиально новые компоненты в эти традиционные представления о политических изменениях — **прогресс*** и **однолинейность*** развития.

Через эти опорные категории выражала себя становившаяся все более совершенной экономическая, социальная, политическая и духовная реальность Европы. Просвещение отметило рождение новоевропейской цивилизации, признаки которой — дух непрекращающегося интеллектуального поиска и социального новаторства, поступательное утверждение идеологии свободного товарообмена, индивидуальной ответственности и самоценности личности. Индустриальная цивилизация Нового времени создала человека экономического (лат. homo economicus), т.е. суверенного индивида, основания деятельности которого уже были почти освобождены от традиционных социально-институциональных ограничений. Появление новых

мотиваций ощущалось и в политическом развитии.

Свои действия человек стал согласовывать с собственными интересами, и подобный исторический перелом знаменовал превращение политики в относительно самостоятельное пространство общественных отношений, управляемое внутренними закономерностями и логикой развития. Пожалуй, с этого временного рубежа политика становится сферой постоянных изменений, вполне точно отражающих динамику быстро индустриализирующейся экономики. Таким образом, изменения уже начали пониматься как осознанные и направленные, ибо было очевидно, что они постепенно

приводили политические институты во все большее соответствие с последовательно развивающейся социально-экономической структурой, с внутренней природой человека как рационально мыслящего и действующего существа, от рождения наделенного неотъемлемыми правами и обязанностями. Это «прогрессивное», восходящее движение вело, как тогда казалось, к идеалу народного правления. Подобное понимание содержания политического развития отставало, например, *Жан Кондорсе*.

«□□□□ Наши надежды на улучшение состояния человеческого рода в будущем могут быть сведены к трем важным положениям: уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами того же народа, наконец, действительное совершенствование человека.

Ж. Кондорсе, «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»

КОНДОРСЕ (Condorcet), Жан Антуан Никола де (1743, Рибмонт — 1794, Бур-ля-Рэн) — маркиз, французский философ-просветитель, выдвинувший представление о прогрессе как о бесконечном совершенствовании человечества; математик, социолог; политический деятель. За работы в области геометрии, интегральных вычислений и астрономии Кондорсе выбран в 1769 г. членом Французской академии наук, а с 1785 г. — ее постоянным секретарем; являлся членом многих европейских академий наук, в т.ч. Петербургской. Кондорсе печатался в *«Энциклопедии»*

Д. Дидро, был знаком со многими философами-просветителями. Кондорсе приветствовал революцию 1789 г.; был избран в 1791 г. в Законодательное собрание, став его секретарем; внес существенный вклад в разработку реформы системы образования. Одним из первых мыслитель поддержал идею создания республики во Франции, отстранение короля от власти и созыв Национального конвента; участвовал в разработке конституции, выдвинув собственный проект. Во время суда над королем Людовиком XVI Кондорсе выступил против смертного приговора и резко критиковал политику якобинцев, что явилось причиной его заочного (он скрывался) осуждения на смерть режимом Робеспьера.

Автор разнообразных по тематике работ, среди которых: классический труд по теории вероятности «Эссе по применению вероятностного анализа к решениям большинства» (1785; переизд. 1805 под назв. «Элементы расчета вероятностей и его применение в азартных играх, лотерее и человеческих решениях»); более 50 биографий выдающихся французов, в т.ч. Вольтера (1789); самый знаменитый труд — «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1795).

Вклад в развитие политической мысли. Кондорсе разрабатывал гипотезу об историческом прогрессе человечества, направленном к его абсолютному совершенству. Первоначально человек находился в состоянии варварства, практически ничем не отличаясь от животных. Эволюция человечества стала возможной благодаря прогрессу разума, который складывается как единство добродетели, счастья, просвещения. Иначе говоря, прогресс в истории обеспечивается не имеющим пределов распространением человеческих способностей, являясь, таким образом, безграничным совершенствованием. Человеческий род прошел 9 стадий («великих эпох») развития разума. По мнению Кондорсе, его современники вступали в 10-ю стадию (со времени Французской революции). Он считал, что эта эпоха будет характеризоваться полной реализацией трех тенденций, начало которым было положено в предыдущие исторические периоды: преодоление неравенства между нациями; уничтожение социального неравенства; наконец, интеллектуальное, моральное и физическое совершенствование самого человека. Грядущее равенство Кондорсе понимал как равенство прав и свобод; более того, свобода и равенство взаимно гарантируют друг друга. Исходя из оптимистического видения человека и неограниченного потенциала его развития, Кондорсе пришел к таким выводам: люди не должны делиться на правителей и управляемых, а важнейший фактор прогресса — всеобщее образование.

Многие теоретические положения концепции Кондорсе, его оптимизм были восприняты социальными философами XIX в., например О. Контом, который в целом разделял подход этого мыслителя к проблеме прогресса.

Линейно-прогрессивистская схема политического развития (в частности, предложенная Кондорсе) в XIX в. специфическим образом воспроизводится в марксизме с его представлением о линейности истории и концепцией смены общественно-экономических формаций. Для *Карла Маркса* и *Фридриха Энгельса* политические изменения (динамические процессы в надстройке) отражали качественные социально-экономические сдвиги в базисе. Наряду с очевидными достижениями в понимании проблем развития, такая жесткая его трактовка значительно упрощала исторический процесс, мешала его объемному восприятию.

Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в

прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором.

Ф. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана»

1.3. Основные положения современных концепций политического развития

В середине XX столетия с распространением сравнительных политических исследований начался новый этап в разработке теории развития. С одной стороны, он был обусловлен своеобразным восстановлением в политологии того времени представлений о прогрессизме и однолинейности развития: в условиях послевоенного мирного строительства любые, даже самые сложные проблемы казались решаемыми, а с другой — необходимостью пересмотра наиболее уязвимых в методологическом плане предположений, сделанных учеными в иную историческую эпоху, внешне похожую (например, оптимизмом и верой во всеислие человеческого разума) на первые послевоенные десятилетия.

Философы осмысливают развитие как естественное, закономерное качественное изменение материальных и идеальных объектов, которому внутренне присущи необратимость и направленность. Политологический подход к феномену развития означает выявление и объяснение всеобщих характеристик многообразия связей, отношений и процессов политической реальности, ибо в результате развития возникает новое состояние общественной сферы.

Общая теория политического развития слагается из обилия концепций, рассматривающих его с различных сторон и предлагающих свои схемы научного обоснования и разрешения проблемы. Ниже в виде тезисов перечислены только самые значимые из них.

1. *Политическое развитие — предпосылка экономического прогресса.* Когда впервые в качестве научных были сформулированы проблемы экономического развития и потребности преобразования стагнирующей экономики в динамичную, способную обеспечить самоподдерживающийся рост, экономисты указали на то, что политические и социальные условия могут сыграть решающую роль в приостановке или ускорении роста душевого дохода. Концепции такого рода трактуют политическое развитие как такое состояние политики, которое может облегчить достижение экономического роста.

2. *Политическое развитие — типичная для индустриальных обществ политика.* Эта весьма распространенная концепция, также тесно связанная

с экономическим анализом, содержит в себе абстрактное представление о некоей типичной для высокоразвитых стран политике. Предполагается, что индустриальное общество создает универсальную модель политической жизни, к которой способно устремиться каждое общество вне зависимости от состояния своей промышленности. С данной точки зрения, индустриальные общества (не имеет значения — демократические или нет) устанавливают известные стандарты политического поведения и функционирования институтов, которые и составляют суть политического развития с целями, подходящими для любых других систем.

Специфическими качествами политического развития, таким образом, становятся определенные модели предположительно рационального и ответственного поведения правительства: отказ от опрометчивых действий, угрожающих законным интересам значительных слоев общества; акцент на социальных программах; представление о высокой ценности организованных административных и судебных процедур; признание того, что политика — справедливый инструмент разрешения проблем, а не самоцель; известные ограничения верховенства политики; согласие с некоторыми формами массового участия.

3. *Политическое развитие как модернизация.* В моделях такого плана доказывается, что передовые индустриальные страны являются «образцами для подражания», потому что задают темпы развития по большинству направлений социальной и экономической жизни. Вполне понятно стремление распространить это допущение и на политическую сферу. Вместе с тем проблема политического развития, особенно когда ее осмысливают в качестве политической модернизации, содержит в себе трудность различения «западного» и «современного».

4. *Политическое развитие как действия нации-государства.* Данные концепции исходят из мнения о том, что подобное развитие сводится к организации политической жизни и исполнению политических функций в соответствии со стандартами, ожидаемыми от современного нации-государства. Эта трактовка основана на предположении, что исторически существовало множество типов политических систем, и любые сообщества создавали собственный тип политики, однако с появлением нации-государства возник и особый набор требований к политике. Следовательно, политические институты и практики государства, намеренного быть современным, должны приспособиться к данным требованиям. Политика исторической империи, колонии, племенного или этнического сообщества должна уступить место политике, необходимой для создания эффективного нации-государства, которое способно успешно функционировать в системе других наций-государств.

Политическое развитие, с этой точки зрения, интерпретируется как процесс, посредством которого сообщества, являющиеся нациями-госу-

дарствами только по форме и благодаря международному окружению, становятся таковыми в реальности. Политика данных стран предполагает развитие способности поддерживать современные правила общественного порядка, мобилизовывать ресурсы для определенного спектра коллективных действий, приобретать и эффективно исполнять международные обязательства. Тест для подлинного политического развития в таком случае — создание набора общественных институтов, составляющих необходимую инфраструктуру нации-государства, и контролируемость выражение национализма в политической жизни. То есть политическое развитие понимается как национализм, вписанный в рамки государственных институтов. Важно отметить, что авторы подобных концепций почти всегда подчеркивают: национализм — необходимое, но далеко не достаточное условие для обеспечения политического развития. Оно, в принципе, должно преобразовывать рассеянные, неорганизованные националистические настроения в дух гражданства, содействовать созданию государственных институтов, способных на основе националистических и гражданских устремлений сформировать политический курс и различные программы. В этом смысле политическое развитие есть нациеобразование (англ. nation-building).

5. *Политическое развитие как совершенствование административной и правовой систем.* Если разделить процесс нациеобразования на институциональное строительство (англ. institution-building) и развитие гражданства, мы получим две весьма распространенные теоретические схемы. Концепция политического развития как образования организаций (англ. organisation-building) имеет большую историю и лежит в основе многих просвещенных колониальных практик.

Западный человек в поисках способа ежедневных отношений с экзотическими и странными для него культурами естественным образом обратился к закону как средству для достижения порядка и предсказуемости. Так было установлено, что политическое развитие зиждется на четком правовом процессе. Однако со временем выяснилось, что нормальное функционирование правовой системы зависит от упорядоченности административной системы. Закон и порядок, следовательно, требуют наличия бюрократических структур и развития государственного управления (англ. public administration), и в течение колониального периода понятие развития было тесно связано с введением рационализированных институтов управления.

Как показывает недавняя история, политическое развитие означает гораздо большее, чем организация правительственных управленческих структур. Когда такое развитие заметно опережает другие направления социальной и политической эволюции, в системе могут возникать несообразности, стоящие со временем препятствиями на пути создания нации-государства. Не-

Аренд ЛЕЙПХАРТ — американский политолог, внесший значительный вклад в разработку теорий демократии и консенсуализма.

сомненно, укрепление государственного управления — центральная задача любой программы нациеобразования. Важно здесь то, что политическое развитие должно распространяться также на негосударственные (англ. nonauthoritative) институты общества.

6. *Политическое развитие в виде массовой мобилизации и участия.* Концепции этого рода связаны главным образом с поведением и ролями граждан, а также требующимися для осовременивания новыми стандартами их политического участия и лояльности по отношению к государству.

Показательно, что во многих исследованиях политическое развитие в его общей прогрессивистской и однолинейной трактовке отождествляется с категорией *модернизации* (нередко данные понятия используются даже как синонимы).

Интерпретация

Аренд Лейпхарт в книге «*Демократия в многосоставных обществах*» (1977) весьма критически оценил основные тезисы разработанной к тому времени обобщенной теории политического развития. Он счел ее довольно аморфной и неопределенной по той причине, что в нее в качестве центральных обязательно входят такие два параметра, как демократизация и создание нации, с необходимым дополнением — разделением функций институтов и формированием эффективных специализированных структур. Лейпхарт не вполне согласен с выводами из данных положений. Во-первых, демократизация и другие характеристики развития обычно понимаются как следствие объединения нации. «Признание важности национальной интеграции как фактора политического развития порой приводит, однако, к тому, что между двумя концепциями ставится знак равенства: политическое развитие и есть создание нации». Подобная трактовка сужает рамки самого явления развития. Во-вторых, из данного не всегда обоснованного предположения следуют конкретные рекомендации: национальное объединение должно стать приоритетной целью и главной задачей для руководителей развивающихся стран. Но ситуации в них могут сильно отличаться. В-третьих, обычно считается, что процесс национального строительства подразумевает искоренение первичной субнациональной идентификации и замену ее преданностью нации. Для многосоставных обществ, описанных Лейпхартом, осуществление этого жесткого требования вряд ли будет плодотворным.

Один из современных подходов к истолкованию категории политического развития представлен *Джеймсом Коулманом* и *Люсьеном Паем*, определившими его как сочетание процессов структурной дифференциации, возрастающей потребности в равенстве и расширения интегративной, адаптивной, ответственной функций политической системы. Вместе это составляет *синдром развития*, с которым сталкиваются практически все общества. Образование названного синдрома обусловлено кризисами, присущими политическому развитию в целом, равно как и любому сложному общественному процессу.

В теории политического развития *Альберта Хиршмана* в качестве критического фактора рассматривается соотношение между (1) институциональными возможностями системы и (2) потребностями граждан, которые они выражают (3) своим политическим участием. Для стабильного развития по мере роста потребностей пропорционально должны увеличиваться возможности системы по их удовлетворению. В противном случае в обществе усиливаются негативные политические настроения. И наоборот, если возможности системы превышают темпы роста потребностей, то вероятно укрепление авторитарных (диктаторских) порядков, проведение политического курса с помощью силовых методов. Наконец, участие при отсутствии соответствующих институциональных возможностей служит причиной политической неустойчивости, в конечном счете — даже анархии. Общий теоретический вывод Хиршмана: для стабильного развития системе нужно сначала создать новые потребности и постепенно преодолевать отчуждение граждан от политики, а затем соответственно этим потребностям институционализировать опять-таки новые формы участия, для того чтобы его подъем не привел к подрыву политического порядка.

Альберт ХИРШМАН
(род. 1915, Берлин) —
американский политолог и экономист,
специализирующийся на
проблемах экономического развития.

Интерпретация

Процесс политического развития может проходить через: 1) кризис *идентичности* (необходимо, чтобы в ходе интеграции граждане осознавали себя как единое политическое сообщество, что маловероятно при существовании различных этнонационалистических, классовых и др. установок, а также политико-психологических фрустраций); 2) кризис *легитимности* (конфликт между социальными группами по поводу согласия относительно легитимности верховной власти и ответственности правительства); 3) кризис *участия* (следствие приго-

ка новых акторов в политическую жизнь, углубления дифференциации групп интересов и партий); 4) кризис *управления* (трудности в создании инфраструктуры формальных институтов, соединяющих управителей с управляемыми с целью обеспечения правительственного курса и общественного консенсуса); 5) кризис *распределения* (неспособность системы удовлетворить возрастающие потребности разных групп населения). Эта общая схема кризисов политического развития описана в книге, подготовленной учеными из Совета по социальным исследованиям США (среди них — Коулман, Пай, Майрон Вайнер, Джозеф Лапаломбара и др.), «Кризисы и последовательности в политическом развитии» (1971).

1.4. Традиционное, переходное и современное общества

Среди ученых, плодотворно и разносторонне занимавшихся тематикой политического развития в ее теоретическом и эмпирическом истолковании — по преимуществу в духе теории модернизации, — следует выделить *Александра Гершенкрона* (1904–1978), *Габриэля Алмонда*, *Джеймса Коулмана*, *Шмуэля Эйзенштадта*, *Сэмюэля Хантингтона*, *Дэвида Аптера*, *Даниела Лернера*. Пожалуй, можно сказать, что в своих идейных истоках их варианты концепции политического развития восходят к социологии XIX в., представленной *Огюстом Контом*, *Гербертом Спенсером*, позднее *Эмилем Дюркгеймом*.

СПЕНСЕР (Spencer), **Герберт** (1820, Дерби — 1903, Брайтон) — британский философ, один из основоположников современной социологии, развивший идею научного естествознания об эволюции и создавший влиятельную концепцию социальной эволюции. Он родился в семье школьного учителя, сильно повлиявшей на мировоззрение: его неконформистские взгляды еще больше усилились в течение жизни, что привело мыслителя к полному разрыву с христианством. Спенсер не получил систематического образования; его обширные познания в гуманитарной области и оригиналь-

ность концепций — результат сочетания самообучения, мощного интеллекта и целеустремленности. В 1848—1853 гг. Спенсер работал одним из редакторов журнала «Экономист», что позволило установить отношения с видными философами, писателями, социальными деятелями. Последующие 50 лет жизни он полностью посвятил исследованиям в области философии, антропологии, социологии.

Автор многочисленных работ, среди которых: «Философия и религия. Природа и реальность религии» (1885); «Должная сфера деятельности правительства» (1843); «Социальная статика» (1851); «Образование: интеллектуальное,

нравственное, физическое» (1861); «Изучение социологии» (1872); «Описательная социология» (19 частей, 1873–1934); «Личность против государства» (1884); «Факты и комментарии» (1902).

Вклад в развитие политической мысли. Еще как журналист Спенсер утверждал, что задача правительств заключается в «поддержке естественных прав граждан», а если правительства не выполняют эту функцию, то они наносят серьезный ущерб обществу. Впоследствии такие взгляды позволили ему сформулировать одну из основных идей, относящихся к социальным наукам в целом: «Общество есть продукт составляющих его единиц». Подобное направленное мысли задавало индивидуалистический подход к пониманию общества и его эволюции: общество представляется Спенсеру особым бытием (англ. entity), слагающимся из отдельных единиц (англ. discrete). Постоянное сохранение в течение значительного времени сходства в группировках этих единиц в пределах занимаемой территории указывает на «конкретность составляемого ими агрегата», т.е. общества, структуры и организации которого специализируются на выполнении определенных задач (функций). Спенсер также поддерживал в социальных науках метод аналогии между биологическим и социальным организмами, что позволило утвердиться в социологии таким понятиям, как структура и функция. С последним в социальные науки прочно вошел функциональный подход к изучению частей социума. Важна и идея об усложнении социального организма в процессе развития, о появлении новых его элементов и их последующей интеграции.

Значение трудов Спенсера для политической мысли определяется прежде всего созданием целостной (по замыслу) концепции эволюции общества. Исходя из материального характера реальности, представляющей собой единство материи, энергии и движения, философ трактовал эволюцию как единый принцип всей реальности (дословно — «вселенной», мира), который состоит в переходе от простого к сложному, от *гомогенности* (однородности) к *гетерогенности* (разнообразию) средствами структурной и функциональной дифференциации. Социальная эволюция — процесс противоречивый, но в основном плавный и в значительной мере автоматический, не допускающий сознательного ускорения и вмешательства извне. Теория органической эволюции была выдвинута Спенсером до появления учения Дарвина и Р. Уолласа о естественном отборе. Позже Спенсер признал теорию Дарвина, однако только как частный случай теории эволюции, утверждая, что открытый им закон развития от гомогенности к гетерогенности носит универсальный характер.

Вместе с тем опять-таки своим прогрессизмом и представлением о линейной векторности политического развития подавляющее большинство современных моделей противоречит популярным в конце XIX — начале XX в. социологическим и историософским концепциям, развивавшим пессимистические мотивы «кризиса западной цивилизации» и замкнутой цикличности («порочного круга») исторического развития, *Освальда Шпенглера* (1880–1936), *Вильфредо Парето*, *Питирима Александровича Сорокина*

Арнольд Джозеф
ТОЙНБИ
(1889, Лондон – 1975,
Йорк) британский
историк, работавший
в парадигме сравни-
тельного исследования
культур.

(1889–1966), *Арнольда Тойнби* и др. Их подходы отражали накопление западноевропейской цивилизацией элементов «старения» и «усталости». На смену данным концепциям в 1950–1960-е гг. вместе с разработками по теории модернизации вновь пришел своеобразный «исторический оптимизм» относительно быстрого осовременивания обществ третьего мира, а также получившие новую аргументацию общие представления о линейности и телеологичности (направленности к определенной предзаданной цели) исторического развития. Нетрудно заметить: идеалом общественного устройства для так называемых переходных обществ мыслилась западная экономика рыночного типа и отлаженная система политического представительства, т.е. западная модель.

Примечательно, что за несколько десятилетий попыток исследования проблематики политического развития с использованием положений теории модернизации различные авторы так и не пришли к какой-либо одной точке зрения. Это закономерно, поскольку ученые анализировали наиболее интересные и понятные им *фрагменты* сложной и противоречивой реальности. Так, для одних, наследующих идеи *Макса Вебера*, модернизация представлялась прежде всего в виде *рационализации* политической сферы общества в целом. Для других она означала главным образом углубление *дифференциации* социальных и политических структур (мысль *Толкотта Парсонса*). Однако в любом случае в основе разных трактовок политического развития как модернизации лежала некая сходная модель: история, общественно-политический процесс понимались как предопределенное объективными социально-экономическими факторами движение от так называемого **традиционного** общества к обществу **переходному**, а затем к **современному** (модерному).

Собственно говоря, переход от общества традиционного к современному по времени растянулся в северо-западной части Европы с начала XIV по конец XVIII в. Такой точки зрения, в частности, придерживался *Норберт Элиас* (1897–1990). В тот период набирала силы западная индустриально-капиталистическая цивилизация, были заложены основы современных институтов и стилей поведения, а человек как базовая единица социального действия поступательно осознавал себя не подданным, а свободным гражданином, что превращало его, по образному выражению этого автора, в добротный «строительный материал» для синхронно формировавшегося гражданского общества. В сущности, взгляд Элиаса на проблему межста-

дильного перехода вполне историчен. Пять веков, о которых он размышлял, вместили в себя окончание «осени средневековья» (термин нидерландского историка и философа **Йохана Хёйзинги**), Возрождение, Реформацию и Просвещение. Тогда же в наиболее развитых странах Европы был завершен первый этап промышленной революции, и дальнейшее утверждение индустриально-капиталистического порядка стало исторически необратимым.

Характеристиками **традиционного общества** с подачи **Спенсера**, **Дюркгейма** и **Фердинанда Тённиса** принято считать его основанность на механизмах простого воспроизводства, слабую заинтересованность в обмене результатами экономической активности с другими хозяйственными единицами по типу горизонтальных связей, преимущественную ориентированность на замкнутую жизнедеятельность и на самообеспечение. Особенности экономического базиса вполне соответствовали досовременное общественное строение (значительный количественный перевес сельского населения над горожанами и, соответственно, труда доиндустриального над индустриальным; слабовыраженная дифференциация и статичность социальной структуры) и политическая организация (явное преобладание автократических приемов властвования над согласованием пока еще смутно ощущаемых частных и групповых интересов; политика в целом, еще не выделенная в самостоятельную и специализированную сферу жизнедеятельности человека и т.п.).

Йохан ХЕЙЗИНГА (1872, Гронинген – 1945, близ Ариема) – нидерландский философ, историк культуры, автор работы «Homo ludens» («Человек играющий», 1938), обосновавший феномен игры как универсального свойства всякой культуры.

ТЁННИС (Tönnies), **Фердинанд** (1855, Олденсворт, Шлезвиг — 1936, Киль) — немецкий социолог и философ; один из основоположников социологии в Германии, в частности «формальной» школы социологии. В 1881–1933 гг. преподавал в университете Киль. Сооснователь (вместе с Вебером и др.) и первый председатель Немецкого социологического общества (1909), а также сооснователь и председатель Гоббсовского общества и еще нескольких научных и философских обществ; был широко известен в Великобритании как англоязычный редактор работ Гоббса. За критику нацизма был отстранен от преподавательской и общественной деятельности в 1933 г.

Автор ряда работ, включая: «Община и общество» (1887); «Жизнь и учение Томаса Гоббса» (1896); «Обычай» (1909); «Критика общественного мнения» (1922); «Введение в социологию» (1931).

Вклад в развитие политической мысли. В историю науки Тённис вошел как теоретик, противопоставивший принципы *традиционного* (община) и *современного* общества, разрабатывавший проблемы методологии социального познания и обосновавший «формальный» подход в социологии, а также как социолог-эмпирик, осуществивший несколько общегерманских социологических исследований. Тённис также считается пионером урбанистических и коммуитаристских исследований. К его идеям, популярным в начале XX в., в конце этого столетия вновь возник особый интерес.

Традиционные общества живут собственной замкнутой жизнью, однако все же не остаются неизменными. Определелись две ведущие модели их трансформации, названные спонтанно-органической (она действует при наличии довольно сильного потенциала саморазвития) и принудительно-инверсивной (лат. *inversio* — переворачивание; это наименование отражает факт давления на общество его правителей либо воздействие извне). Первая характерна для развитых обществ Запада, вторая — для современных развивающихся стран. Между вышеперечисленными полярно противоположными идеальными типами модернизации располагается довольно большая группа стран «поздней индустриализации» (Германия, Италия, Япония, Россия и др.), чье политическое развитие совмещает основные признаки обеих моделей.

Преобразование традиционного общества бывает вызвано различными факторами и причинами — от военных поражений и захватов (в т.ч. для колонизации), иных контактов (торгово-экономических, информационных и др.) с более развитыми государствами до миграционных потоков, приносящих элементы «вестернизации», появления «модернизаторских» элитарных групп, которые состоят из людей, как правило, получивших образование в индустриальных странах. В любом случае из-за неизбежного внутреннего расслоения традиционное общество поднимается на уровень **переходного**. Модернизация политической сферы переходного общества прежде всего связана с процессом социализации, направленным на формирование парастающей массовой поддержки для складывающегося нации-государства, а также на создание институтов, содействующих расширению участия граждан. Речь идет не только о нынешних странах третьего мира. Показательно, что в течение длительного времени (XIV–XVIII вв.) в переходном состоянии пребывали и многие западные общества, которые обрели статус современного относительно недавно, после завершения первой промышленной революции, т.е. к началу — середине XIX в.

По общему мнению, традиционное и современное общества принципиально отличаются по своим базовым социальным парадигмам. «Типовые переменные» для сравнительного анализа традиционного и современного обществ в начале 1950-х гг. предложил *Парсонс*.

Интерпретация

Авторитетный польский ученый *Петр Штампка* в книге «Социология социальных изменений» (1993) свел «типовые переменные» Парсонса в наглядную таблицу, позволяющую выделить качественные свойства традиционного и современного обществ.

	Традиционное общество	Современное общество
Уровень отчетливости социальной структуры	Диффузность, т.е. несчетливый, незакрепленный, само собою разумеющийся характер ролей, групп, социальных отношений	Спецификация, т.е. сформировавшаяся специализация ролей и отношений, четкое разделение труда, обеспечивающее взаимодействие в группах
Основание статуса	Предписание (т.е. отнесение к ролям, статусам, группам, отношениям), основанное на наследовании по рождению или родству	Достижение (соотнесенное со статусами, ролями, группами, отношениями), основанное на личных усилиях и заслугах
Критерий рекрутирования	Партикуляризм (т.е. выбор и отношение к партнерам по социальным контактам, равно как и доступ к ролям и группам), основанный на уникальных личных чертах потенциальных кандидатов, которые не относятся непосредственно к выполняемой работе или к характеру групп и взаимоотношений	Универсализм (выбор и отношение к партнерам по социальным взаимосвязям, а также доступ к ролям и группам), базирующийся на общих, категориальных чертах, непосредственно обусловленный задачами и характером групп или отношений
Критерий оценки	Коллективизм, т.е. оценка и восприятие людей связаны с их членством в группах, коллективах, сообществах, племенах. Наиболее важно то, к каким группам принадлежат люди, а не то, кто они есть сами по себе	Индивидуализм, т.е. оценка и восприятие людей, сосредоточивающиеся на их индивидуальных действиях. Наиболее важно то, что именно они делают
Роль эмоций	Эмоциональность — вторжение эмоций в социальную жизнь	Нейтральность как подавление эмоциональных проявлений, деловая, рациональная атмосфера социальной жизни

Колонизация как фактор модернизации. Губернатор голландской колонии Петер Минневит покупает у индейцев за 60 гульденов о. Манхэттен — место расположения будущего Нью-Йорка (1626).

Модернизация и, как следствие, образование основ **современного общества** опираются на нижеуказанные объективные предпосылки.

1. *Приведение к единообразию кодов внутринационального общения, консолидация территориального, этнического и языкового пространства, создающие благоприятные условия для становления нацигосударства и политической системы современного типа.*

2. *Осуществление индустриализации, ведущей к качественным сдвигам в социальной структуре, которые, в свою очередь, служат побудительной причиной осовременивания политической сферы.*

3. *Формирование общенационального воспроизводственного комплекса, функционирующего в режиме самоподдерживающегося роста, подкрепленного объединен-*

ной транспортной и информационной инфраструктурами.

4. *Урбанизация* (т.е. превращение общества из преимущественно сельского в городское), которая содействует возникновению городской культуры как образа жизни и стиля поведения, определяющих направленность развития общества.

5. *Повышение социальной и территориальной мобильности населения* в силу утверждения индустриальных форм хозяйственной деятельности и, как следствие, размытие жестких общественных и институциональных связей традиционного типа.

6. *Превращение* под влиянием вышеобозначенных структурных сдвигов *политики в одну из сфер самореализации личности*, а индивида — в автономного, самостоятельно мыслящего и действующего субъекта политического процесса, отныне свободного от ограничений замкнутых групп (общин).

7. *Утверждение новых политических институтов*, начинающих функционировать в режиме представительства всего многообразия наличествующих в обществе интересов.

Важно подчеркнуть, что одной из наиболее важных составляющих теории модернизации явилось признание зависимости политического развития от социально-экономического роста.

Обратите внимание

Есть несколько критериев различения современных и традиционных обществ. Один из них — статистический. В книге «*Авторитаризм и демократия в развивающихся странах*» (1996) показано: доля промышленного сектора в хозяйстве современных обществ достигает 70% и более (против 5–8% в традиционном); налоги формируют от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ ВВП (против 5%); в инвестиции направляется от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ ВВП (против 1–2%). Перепад в доходах высших и низших групп для модернизированных обществ не превышает 5–6:1 (для Швеции, например, 4:1), тогда как в традиционных обществах он составляет 15–20:1. Разительны и другие контрасты: в продолжительности жизни — 70–75 лет против 25–30 лет; в охвате населения средним (80–100%) и высшим (более 30%) образованием, квалифицированным медицинским обслуживанием и тем более в реальности доступа к значимым источникам информации. Эти показатели современных обществ просто несопоставимы с условиями жизни в обществах традиционных. Впечатляют различия и в таких критериях осовременивания, как доля городского населения, уровень избирательной активности, расходы государства на сферу социальных услуг и т.д.

Помимо дихотомии (гр. *dichotomia*: *dicha* — на две части; *tomē* — сечение) традиционное — современное разработаны и более подробные классификации обществ. Отдельные последовательные стадии политического развития *Брюсом Рассеттом* (род. 1935) представлены так: 1) традиционные примитивные общества; 2) традиционные цивилизации; 3) переходные общества; 4) общества индустриальных революций; 5) общества высокого уровня массового потребления.

Интерпретация

Еще более детализированной в плане выделения и анализа основных циклов социально-исторического процесса выглядит концепция *Игоря Михайловича Дьяконова* (1915–1999), представленная в книге «*Пути истории. От древнейшего человека до наших дней*» (1994). По его мнению, данный процесс протекает не через 5, как у Маркса, а через 8 фаз: первобытную, первобытнообщинную, раннюю древность, имперскую древность, средневековье, абсолютистскую послесредневековую, капиталистическую и посткапиталистическую.

Вместе с тем, в т.ч. и со стороны самих инициаторов разработки теории модернизации, появилась критика отдельных ее наиболее уязвимых положений: во-первых, «культуроцентризма» (вестернизаторская установка), задающего западные социально-политические и иные ориентиры в

качестве критерия оценки направленности и ритма политических изменений в незападных обществах; во-вторых, представления о линейности развития. Правомерность этих важных составляющих теории модернизации была поставлена под сомнение опытом модернизации некоторых обществ, выявившим невозможность объяснить в рамках данной теории самобытный характер политических изменений во многих незападных регионах мира, а также реальность нелинейного пути развития, в т.ч. цикличность, возвраты, регресс.

Сама жизнь предъявила спрос на новую, *междисциплинарную*, теорию, которая интерпретировала бы многовариантность процесса политических изменений. Объективно возникла научная необходимость в разработке общепринятой парадигмы развития. Не так давно появились исследования, основанные на эмпирических показателях, где оно рассматривается как увеличение адаптивных возможностей политической системы, ее умение сохранять пластичность в условиях быстро меняющейся реальности. Такой подход предполагает описание самих процессов, а не их результатов, что расширяет возможности познания феномена политического развития.

1.5. Типы политического изменения

К основным идеальным типам политического изменения в политологии принято относить: политическую реформу, революцию, государственный переворот, реже — реставрацию и частичный либо полный пересмотр (ревизию) конституции.

Под особом углом зрения рассматриваются перемены в мировой политике. В данном случае *мирному урегулированию*, означающему разрешение на наднациональном или межгосударственном уровне конкретных спорных (вплоть до конфликта) вопросов, противопоставляют понятие **мирных изменений**, которое указывает на значительные преобразования в существующем международном порядке. Среди них — изменения в суверенитете над территорией или ее частью (например, деколонизация, наделение автономией, как в случае договоренностей между Израилем и Палестиной, и т.д.); долговременные изменения в силовом балансе (проблема однополярности или многополярности); существенный пересмотр принятых норм и правил, регулирующих поведение государств, их объединений, а также неправительственных организаций в наднациональной сфере (к примеру, структурное и функциональное расширение Североатлантического блока, осуществление проекта создания международных сил безопасности, антитерроризма под началом ООН). В начале XXI столетия одним из важнейших направлений мирных изменений стало политическое и международно-правовое обеспечение тенденций глобализации.

Мирное политическое изменение в рамках нации-государства — это **политическая реформа***. Данный термин отражает прежде всего эволюционный и ненасильственный характер развития политического процесса. Способность конкретной политической системы приспосабливаться ко все более многообразным интересам и требованиям национального сообщества, новым структурным факторам (экономическим, социальным, в т.ч. этническим, и пр.), учитывать, видоизменяясь, влияния внешней среды обеспечивает ее устойчивость. Самые наглядные примеры реформы — конституционные изменения в исполнительной власти (в правительстве и т.д.), перестройка соотношения сил и влияний в партийной системе или в парламенте. Стабильность какой-либо политики на протяжении значительного времени — отнюдь не признак отсутствия изменений, а свидетельство гибкого и умелого системного реформирования непринудительными методами, предвосхищения проблемных ситуаций, настройки политико-нормативных механизмов на мирные изменения.

Центральным феноменом даже среди основных типов политического изменения является **революция*** — коллективный, насильственный и осознанный захват власти какой-либо общественной группой. Кроме того, слово «революция» может использоваться и в переносном смысле для обозначения мощных тенденций, способствующих коренному преобразованию, перевороту в какой-либо области жизнедеятельности общества (научно-техническая, информационная революции, революция в искусстве).

Обратите внимание

Британский политолог *Джон Дани* отмечает, что до 1789 г. (начала Французской революции) ни в одном языке ни одного народа не было слова «революция» в его современном понимании. Он считает, что это слово восходит к средневековому латинскому существительному, означавшему «вращение» (англ. revolve). Уже в то время в понятие революции вкладывали смысл чего-то самовозобновляющегося и распространяющегося кругами.

Общего определения понятия революции нет. Словари объясняют его довольно лаконично и нейтрально. Вот пример из французского толкового словаря:

Революция — совокупность исторических событий в рамках национального сообщества, когда группе, поднявшей вооруженное восстание, удастся взять власть и когда в обществе происходят глубокие преобразования (политические, экономические и социальные).

Словарь «Робер»

Исследователи существенно и по-разному расширяют подобные толкования, обращая внимание и на другие характерные аспекты революционного процесса. Марксисты, как и основоположник этого учения, исходят из последовательности общественно-экономических формаций и делают выводы в плане теории развития: революция — качественный скачок на более высокую его ступень. *Штомпка* (см. «Социология социальных изменений») при систематизации объяснений революции разделил их на три группы. В первую входят определения, согласно которым революции — это фундаментальные и широко распространенные преобразования общества, т.е. акцентируется их глубина и масштаб, и в данном смысле они противопоставляются реформам («неожиданные, радикальные изменения в политической, экономической и социальной структурах общества»; *А. Баллок, О. Сталлибрас*). Во вторую группу включены дефиниции, в которых упор делается на насилие, борьбу и скорость изменений, т.е. их «техника», а значит, революция противопоставляется эволюции («фундаментальные социально-политические изменения, осуществленные быстро и насильственным путем»; *Тед Роберт Гурр* (род. 1936). Третья группа сочетает подходы первых двух, что, по мнению Штомпки, наиболее полезно («быстрые, базовые преобразования социальной и классовой структур обществ путем переворотов снизу»; *Тода Скокпол*). Политологи очевидно сходятся в трех отношениях, указывая на следующие признаки революций: 1) это коренные, всеобъемлющие изменения основ социального порядка; 2) в них действуют большие массы мобилизованных людей; 3) революционный процесс обязательно сопровождается насилием.

Классическими образцами принято считать Французскую революцию 1789–1793 гг., Октябрьскую революцию 1917 г. в России и Китайскую революцию, длившуюся с 1911 по 1949 г. («великие революции»). Славную революцию в Англии 1688 г. сами британцы по традиции называют Английским великим восстанием; показательно, что это восстание не привело к радикальным переменам в социально-экономической структуре общества. Кроме вышеотмеченных, в разных странах мира на протяжении последних нескольких веков произошло немало исторических событий, с той или иной степенью научной точности определяемых как революции.

Однако даже так называемые образцовые революции разнятся между собой. Французская революция ввела в политическое сознание невиданный до ее свершения образ революционера как актора, осмысленно и планомерно готовящего насильственное ниспровержение существующего режима ради создания на его месте иного строя, основанного на идеях общественного равенства и обеспечения прав человека. Опыт российской и китайской революций впервые в человеческой истории доказал возможность насаждения принципиально новых и долговременных политических сис-

тем, защищавших и развивавших идеалы революций. Если принять за критерий определения революции слом старых социально-экономических структур и переход к формированию ранее не известных, то понятно, что основные движущие силы этих политических преобразований («группа, захватившая власть») могут меняться в ходе самого процесса (коммунистические партии в России и в Китае главенствовали в построении постреволюционного социально-экономического базиса, но ведущая роль в разрушении прежних структур принадлежала другим акторам).

Исследователи революций, в частности такой видный ученый, как *Эйзенштадт*, особо выделяют три черты данного политического изменения: *насилие, новизна и всеобщность преобразований*. Но не только это, важны еще и духовная составляющая образа революции, осознанность действий акторов.

«ooo Революция характеризуется как самый интенсивный, насильственный и осознанный процесс из всех социальных движений. В ней видят предельное выражение свободной воли и глубоких чувств, проявление незаурядных организационных способностей и высокоразвитой идеологии социального протеста. Особое значение придается утопическому или освободительному идеалу, основанному на символике равенства, прогресса, свободы и на убеждении, что революции создают новый и лучший социальный порядок.

Ш. Эйзенштадт, «Революция и преобразование общества»

ЭЙЗЕНШТАДТ (Eisenstadt), Шмуэль (род. 1923, Варшава) --- социолог, специалист в области сравнительных исследований цивилизаций и общетеоретических проблем развития, революции и модернизации. В 1951 г. возглавил социологическое отделение Еврейского университета в Иерусалиме; в 1960–1990 гг. преподавал в качестве приглашенного профессора в Гарвардском, Чикагском, Стэнфордском, Венском, Цюрихском и др. университетах, совмещая педагогическую деятельность с научной работой. Неоднократно был удостоен различных наград и научных званий, почетный доктор Гарварда. Сейчас он ведет самостоятельную исследовательскую деятельность.

Автор 15 монографий, среди которых: «От поколения к поколению» (1956); «Имперские политические системы» (1963); «Сравнительные исследования институтов» (1965); «Модернизация: сопротивление и изменение» (1966); «Общество Израиля» (1969); «Традиционный патримониализм и современный неопатримониализм» (1973); «Традиция, изменение и современность»

(1973); «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций» (1978); «Европейская цивилизация в сравнительной перспективе. Исследование связей культуры и социальной структуры» (1987); библиографию ученого составляют также многочисленные статьи.

Вклад в развитие политической мысли. В круг научных интересов Эйзенштадта входят: общетеоретические проблемы социологии (человеческая деятельность и факторы ее формирования; социальные группы и институты; социальное регулирование и взаимодействие; соотношение между культурной и политической системами; общества, цивилизации и их динамика; историческая преемственность в развитии и др.); сравнительные исследования (социологические и политологические); концепции социальных изменений и модернизации. Работы ученого по проблематике модернизации способствовали тому, что другие представители социальных наук отказались от прямого противопоставления современного и традиционного обществ, а также заинтересовались изучением традиционных и переходных обществ, кризисных явлений в ходе модернизационных процессов.

Интерпретация

К вышеприведенным объяснениям понятия революции следует добавить еще несколько, которые подчеркнул французский политолог *Жан-Луи Кермонн* («Западные политические режимы», 1986).

1) Революция всегда направлена против существующего режима, для того чтобы заменить его во имя противоположной легитимности; она может вылиться в неконтролируемый процесс поэтапного насаждения нестабильных режимов, пока одному из них не удастся установить новое политическое равновесие в обществе (Французская революция начиная с 1789 г.). 2) Революция приводит в движение толпу, которая отождествляет себя со всем народом. 3) Если революционная инициатива принадлежала меньшинству (как в России 1917 г.), то оно заявляет, что действует от лица большинства граждан или угнетенного, но мажоритарного класса.

В политологии используется довольно простая классификация революций. 1) Политические революции на уровне государства; они ограничиваются внезапной трансформацией институтов, изменяя их легитимизацию (Французские революции 1830 и 1848 гг.). 2) Революции, связанные с преобразованием общества (во Франции в 1789 г., в России в 1917 г., а также в Германии в 1918–1919 гг.); они нередко бывают ускорены военным поражением государства либо прерваны в ходе своего развития. 3) Революции, создающие новое государство (Американская революция 1787 г.); они зачастую являются продуктом распада многонациональной империи или деколонизации (Австро-Венгрия в 1918 г.).

Теперь о результатах революций. Эйзенштадт считает их многосторонними; среди них, судя по его рассуждениям, есть и реальные, и надуманные, приписываемые революции самими ее инициаторами.

Во-первых, это насильственное изменение существующего политического режима, основ его легитимности и его символики. Во-вторых, замена неспособной политической элиты или правящего класса другими. В-третьих, далеко идущие изменения во всех важнейших институциональных сферах, в первую очередь в экономике и классовых отношениях, — изменения, которые направлены на модернизацию большинства аспектов социальной жизни, на экономическое развитие и индустриализацию, централизацию и расширение круга участвующих в политическом процессе. В-четвертых, радикальный разрыв с прошлым... Считают, в-пятых, что революции осуществляют не только институциональные и организационные преобразования, но и вносят изменения в нравственность и воспитание, что они создают или порождают нового человека.

Ш. Эйзенштадт, «Революция и преобразование общества»

Государственный переворот — внезапный неконституционный захват власти, незаконная смена правящей элиты в целом (президентства, правительства, персонала управленческих структур), которые не связаны с какими-либо коренными изменениями политического режима, социальных и экономических отношений. Общее для революции и государственного переворота — коллективный и насильственный характер политического действия, а также стремление с помощью пропаганды идеологизировать событие. Различает эти понятия то обстоятельство, что источником государственного переворота обычно бывает заговор, причем организованный внутри самих государственных институтов. У государственного переворота нет иных целей, кроме разрушения легитимности существующей власти, утверждения во главе государства другой личности или меньшинства, которое будет удерживать обретенные полномочия силой. Неконституционность переворота заставляет его квалифицировать как политическое изменение, отрицающее правовое государство.

Конфликт Наполеона с депутатами Совета пятисот 18 брюмера (1799), завершившийся государственным переворотом, ликвидировавшим режим Директории.

Обратите внимание

Понятие государственного переворота имеет несколько фактических синонимов. *Путч* (нем. Putsch) — это свержение правительства (или попытка) с помощью части армии, группы офицеров. В силу того что большинство случаев переворотов демонстрируют страны Латинской Америки, в политологический словарь вошли также термины «голпе» (исп. golpe — удар) и «пронусиаменто» (исп. pronunciamiento — восстание). Но как бы ни именовался государственный переворот на этом континенте, такое политическое изменение почти всегда представляет собой отрицание стабильной формы правления и ведет национальное общество к анархии либо к диктатуре.

Аугусто ПИНОЧЕТ УГАРТЕ (род. 1915, Вальпараисо) — военный и государственный деятель Чили, в сентябре 1973 г. возглавивший военный переворот, приведший к свержению прокоммунистического правительства Сальвадора Альенде. За годы правления Пиночета были убиты более 2000 человек, пропали без вести более 1000, пыткам подверглись более 100 тыс., миллион человек содержался в тюрьмах и концлагерях. Идеологи «авторитарной модернизации» нередко склонны оправдывать жестокость Пиночета, ссылаясь на якобы имевшее место в результате переворота «экономическое чудо».

Вместе с тем в мировой политической истории отмечены случаи, когда результатом типичного государственного переворота явился процесс создания нового режима. В этом отношении оценка последствий переворота зависит от характера установленного политического режима — авторитарный, тоталитарный либо ориентированный на демократию. Марш Муссолини на Рим в 1922 г. способствовал утверждению тоталитарной диктатуры; переворот 1974 г. в Португалии, напротив, пошатнул дискредитированный авторитаризм, унаследованный страной от диктатора Салазара, и открыл путь «революции гвоздик» — циклу политических изменений, которые в итоге привели к демократии.

Реставрацией (позднелат. restauratio — восстановление) называют процесс политических изменений, направленных на возрождение способа правления (режима), ранее ниспровергнутого революцией или государственным переворотом. В исторической ретроспективе реставрации чаще всего были реакционными (например, вторичное правление династии Бурбонов во Франции в 1815–1830 гг.); гораздо реже они содействовали установлению более демократического режима («республиканская реставрация» под началом генерала Ш. де Голля в этой же стране в 1945–1947 гг., когда были проведены полезные структурные реформы в политической и социальной сферах).

Пересмотр конституции (полный или в значительной ее части) — еще одна разновидность политических изменений, нередко оцениваемая как реформа. Но между этими понятиями есть отличия. Процедура единовременной ревизии основного закона государства используется в качестве политико-юридического инструмента, помогающего начать процесс мирной смены отжившего свое режима. Именно этим способом воспользовался такой мудрый политик, как де Голль, когда в 1958 г. представил на утверждение референдумом совершенно новый конституционный текст, и во Франции была институционализована V Республика — политический режим, существующий, с небольшими модификациями, до сих пор.

Шарль де ГОЛЛЬ (1890, Лиль — 1970, Коломбел-Дёз-Элиз) — выдающийся французский государственный, военный и политический деятель.

Обратите внимание

Инициатором политического изменения любого типа, как правило, выступает меньшинство общества (зачастую — просто малая группа), навязывающее остальным гражданам собственное мнение. Даже в случае революции, мобилизующей массы людей, многие ее участники не в полной мере осознают цели своих действий. Немецкий социолог *Элизабет Нохль-Нойман*, оценивая состояние общества в периоды перемен, писала о «спирали молчания», в которую вынужденно втягиваются все инакомыслящие, не поддерживающие господствующие в данное время взгляды (например, организаторов государственного переворота, деятелей, осуществляющих реставрацию), тогда как большинство, движимое стремлением к самоутверждению (случай революции) либо страхом насилия, реже — самоотчуждения от системы, включается в базу поддержки того или иного политического изменения.

2. ПОНЯТИЯ СОВРЕМЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

2.1. Смысловое содержание категории Современности / Модерна

Общие понятия политической науки по значению слова отражают наиболее существенные свойства, отношения, явления и процессы мира политики. Задача объяснения категории **Современности**, связанной с так называемым социально-историческим временем, задаст немалые семантические

(смысловые) и терминологические трудности. Дело в том, что само русское слово *современность* допускает двойное понимание. С одной стороны, оно выражает идею *одновременности*, совпадения по времени того, о чем идет речь. В таком аспекте правление Ивана Грозного (1547–1584) в части своей оказалось современно властвованию императора Карла V (1519–1556), эти государи были современниками, а 1550-е гг. стали их общей современностью. С другой стороны, то же самое слово содержит идею совпадения с ныне текущим временем — то есть с *сим днем*, когда говорят или дают оценку, а значит, с началом XXI в. При расширительном толковании это последнее значение может быть распространено на переживаемую сейчас историческую эпоху, даже если она началась несколько поколений тому назад. Тогда современниками, пожалуй, можно считать далекого пращура Джона Черчилля, герцога Мальборо (1650–1722) и его правнука Уинстона Черчилля (1874–1965).

Новоевропейские языки, казалось бы, разграничивают два основных значения русской «современности», связывая первое из них со словами вроде английского *contemporary*, французского *contemporain* и т.д., а второе — с *modern, moderne*. Однако и в этом случае сохраняется известное противоречие между исконным смыслом средневекового латинского *modernus* (от наречия *modo* — только что, сейчас, ныне; недавно; немедленно после — соответственно о настоящем, прошедшем и будущем) и расширительными значениями словоупотреблений сегодняшнего времени. Французскому писателю *Шарлю Перро* (1628–1703) было легко сравнивать достоинства *древних* (*ancien*) и *нынешних* (*modernes*) сочинителей, ибо его литературное поколение как раз и было тем нынешним, которое обратилось к иным языку и творческим принципам, чем предшественники — античные авторы и их подражатели-классицисты. Для *Бенжамена Констана* разграничение между свободой у *древних* и у *современников* стало проблематичнее: век, *современный* ему, и *древние* времена, хотя и обрели множество неодинаковых ликов, но растянулись и как бы синхронизировались по ряду факторов. Он показал, что аналитически (идеальнотипически) они очень существенно отличаются друг от друга, однако в практике Французской революции шло прямое противоборство принципов свободы древней и новой.

КОНСТАН ДЕ РЕБЕК (Constant de Rebecque), **Апри Бенжамен** (1767, Лозанна — 1830, Париж) — французский публицист и писатель, один из создателей европейского психологического романа; политический деятель. В годы Французской революции Констан, либерал и убежденный сторонник республиканской формы правления, занял центристскую позицию, поддерживая умеренных; с приходом Наполеона Бонапарта к власти в 1799 г. был назначен членом Законодатель-

ного трибунала, однако вскоре начал критиковать новый режим и был уволен в 1802. Друг мадам де Сталь. Большую часть эмиграции 1803–1814 гг. находился в Женеве и Веймаре, где познакомился с И.В. Гёте и Ф. Шлегелем, видными деятелями европейского романтизма братьями Шлегель. По возвращении во Францию Констан возобновил политическую деятельность, став одним из самых влиятельных либеральных журналистов; во время 100-дневной реставрации режима Наполеона ему была поручена разработка новой конституции. В 1819 Констан был избран в палату депутатов и в течение 10 лет был видным представителем ее либерального крыла, позже был назначен королем Луи Филиппом председателем Законодательного совета Франции и занимал этот пост вплоть до смерти.

Автор ряда романов и философских трудов, среди которых: автобиографические романы «Адольф» (1816, в центре — аналитика природы человека) и «Сесиль» (опубл. 1951); лекция «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» (1819); «Рассуждения об источниках, формах и развитии религии» (в 5 т., 1824–1831 — историческое исследование религии и попытка защиты христианства от нападок энциклопедистов) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Констан — оригинальный теоретик либерализма, выступавший с резкой критикой любого вмешательства властей в частные дела, которые он понимал довольно широко. Его знаменитая лекция (1819) в Королевском атенеуме — одна из первых попыток политико-философского осмысления проблемы Современности, а по содержанию — глубокое сравнительно-историческое политическое исследование. В нем показаны качественные различия свобод и демократии в античных и современных обществах, сделаны выводы о пагубности механического перенесения институтов и принципов древности в современные философу условия, об органической связи прав личности с институтом собственности.

Задача определения совпадения времен в социально-историческом ракурсе становится гораздо сложнее на рубеже второго и третьего тысячелетий. Можно ли признать *современниками* 16-го президента США Авраама Линкольна (1861–1865) и Джорджа Буша-младшего, американского президента с 2001 г.; есть ли общее для них *ныне*, т.е. в настоящее время? Это *ныне* предстает особенно проблематичным в случае политико-антропологического сравнения цивилизаций, развивающихся на индустриальном и постиндустриальном экономическом базисе (например, Европы и Северной Америки), и сообществ, проживающих в Африке или на островах Тихого океана. Известно, что эволюция различных цивилизационно-культурных зон осуществляется в их собственных ритмах и динамике, которые отнюдь не синхронизованы. Кроме того, в условиях переноса стандартов и норм современности одной цивилизационной зоны в иное культурное пространство (с отличающимися правилами поведения, образом жизни) зачастую никак нельзя признать современниками не только делов и внуков, но даже отцов и детей, живущих в одном доме.

Проблема как будто упрощается при использовании в отечественной политической науке термина **Модерн***. В определенных отношениях он полезен, однако возникают некоторые трудности в соотношении русского словопонятия *современность* и иностранного *модерн*. Сверх того, многозначность (полисемантичесность) понятия Модерна, эстетические ассоциации, привязывающие к искусству и архитектуре, культуре в целом, осложняют его использование в политологическом контексте. Само содержание слов **Модерн** и **модерность** функционально ограничено тем, что они воспринимаются в виде стилистических явлений, тогда как политологам необходим четкий, наполненный смыслом эквивалент понятию исторической эпохи Современности, т.е. периода времени в политическом развитии, отличающемуся характерными особенностями.

Наконец, следует учесть и терминологическую коннотацию (т.е. дополнительное, сопутствующее значение) понятия *модернизации* и производных от него (модернизировать, модернизированный), связанную с представлениями о неких производственных новшествах и о сугубо техническом процессе улучшения.

2.2. Предпосылки и факторы политической модернизации

Неясность и многозначность самих словопонятий Модерн (как эпоха) и **модернизация*** (как один из наиболее распространенных в мире вариантов процесса развития) затрудняют выработку *критериев* их определения и применения в политологических исследованиях. Стилиевые критерии явно не подходят. Для человека из общества, едва приступившего к модернизации, просто подражать поведению, да еще и политическому, уже давно «модернизированных» голландцев, англичан, американцев, с недавних пор японцев бессмысленно, порой даже контрпродуктивно. Вместе с тем модернизирующиеся социумы заимствуют многие элементы массовой культуры, например, у индустриальных обществ. В гуманитарных науках явления такого рода именуют *демонстрационным эффектом*, указывающим на то, что в подвергающихся модернизации обществах субъективные качества, потребности и желания людей осовремениваются быстрее, нежели объективные, прежде всего экономические и социально-политические, основы их жизнедеятельности.

Осмысление сущности Модерна может быть, вероятно, облегчено за счет использования самой «неокончательной», доопределяющейся логики, поразительного разнообразия и изменчивости этой эпохи. Дело состоит в том, чтобы уловить смысл переходов от одного момента модернизации к ее последующей стадии. Иными словами, адекватная модель современной

политической организации, а тем более модернизации, должна по сути быть динамичной, способной к конструктивному усвоению новшеств. Это верно оценил один из пионеров изучения модернизации американский ученый **Сирил Блэк** (1915–1989), который так и назвал свой труд — «*Динамика модернизации: очерки сравнительной истории*» (1966). Предложенная Блэком схема отличается, однако, смещением экономических, политических, социетальных и культурных факторов модернизации, а также несколько прямолинейной технологичностью.

Для понимания причинно-следственных связей модернизации необходимо определить характер эпохи Современности/Модерна.

Политологи уже вполне обоснованно выделили общие черты, или организующие принципы, Современности, которые обобщил **Штомпка**.

1. *Индивидуализм*. В обществе окончательно утверждается центральная роль индивида, освобождающегося от обязательных групповых связей, по своему усмотрению выбирающего социальный коллектив, самостоятельно определяющего свои действия и несущего личную ответственность за собственные поступки, успехи и неудачи.

2. *Дифференциация*. Эта характеристика свойственна сферам труда и услуг, где возникает множество новых специализированных занятий и профессий, требующих высокого уровня образования, компетентности и опыта.

3. *Рациональность*. Данный принцип деятельности активно влияет на государственное управление, освобожденную от элементов традиционализма бюрократию в целом. Важнейшая роль в обществе принадлежит науке как средству познания и инструменту преобразования действительности.

4. *Экономизм*. Экономика превращается в доминирующую сферу жизни общества, определяющую динамику других областей общественных отношений и выступающую основным регулятором социально-политических процессов.

5. *Экспансия*, т.е. способность процессов и отношений современного типа распространяться и подчинять своим закономерностям отставшие в развитии страны периферии мировой системы.

За четыре последних десятилетия появилось множество концепций **политической модернизации** и моделей изменений, ведущих к становлению современных демократических политий. Интерес к их разработке как бы накатывал волнами: то обострялся, то падал. Определенные версии теории модернизации оказались непригодными для объяснения реальности. Именно это обстоятельство и востребовало новые подходы и к политическому развитию в самом широком смысле, и к политической модернизации как той реальности, которая отхватила почти весь мир, во всяком случае на протяжении прошлого столетия и в начале нынешнего. Наряду с исследованиями последнего времени существуют и более ранние труды, которые останутся

фундаментальным источником познания феноменов развития и политической модернизации. Даже среди них особо выделяются теоретические разработки *Уолта Ростоу*, схемы которого применяются при рассмотрении без малого всех проблем Современности, связанных с развитием.

РОСТОУ (Rostow), Уолт (1916, Нью-Йорк – 2003, Остин, шт. Техас) — американский экономист и государственный деятель. Преподавал в ведущих американских и британских университетах. На госслужбе занимал весьма высокие посты в госдепартаменте, в т.ч. был консультантом председателя его совета политического планирования (1961–1966; припашен на этот пост Дж. Кеннеди), помощником по вопросам национальной безопасности президента Л. Джонсона (1966–1969). Влияние Ростоу на внешнюю политику США в 1960-е гг. неоспоримо. Был сторонником военного вмешательства во Вьетнаме. Награжден высокими

государственными наградами Великобритании и США. В настоящее время Ростоу преподает в университете шт. Техас (профессор экономики и истории).

Автор ряда работ, среди которых: «Процесс экономического роста» (1952); «Динамика советского общества» (1953); «Американская политика в Азии» (1955, соавт. Р. Хэтч); «Ключ к эффективной внешней политике» (1957, соавт. М. Милликан); «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» (1960); «Политика и стадии экономического роста» (1971); «Как все началось: истоки современной экономики» (1975); «Мировая экономика. История и планы на будущее» (1978); «Теоретики экономического роста от Дэвида Юма до наших дней» (1990); «Великий популяционный пик и что за ним последует: Размышления о XXI веке» (1998) и др.

Вклад в развитие политической мысли. В сфере научных интересов Ростоу — проблемы экономической теории, в частности экономический рост, развитие и устойчивое развитие (англ. *sustained development*), политэкономии и экономической истории развитых и развивающихся стран. Вместе с тем он занимается и исследованиями, относящимися к теории модернизации, которые внимательно учитывают политологи. С учетом своей непосредственной вовлеченности в разработку и осуществление внешней политики США Ростоу анализировал не только практические вопросы международных отношений в период холодной войны, но и проблемы теории и истории мировой политики. Однако наибольшую известность Ростоу принесли его интеллектуальное соавторство в обосновании концепций *индустриального общества*, стадий экономического роста, а также распространение модернизационных идей в академической и в политико-управленческой среде.

От традиционного к современному состоянию образцово модернизированный сегодня Запад двигался долго и неспешно, примерно с начала

XIV в., после «сумерек Средневековья», по конец XVIII в., когда процесс роста индустриального способа производства стал необратимым. Эти пять веков вместили в себя многие политически значимые процессы. В частности, развитие общества выразилось в расслоении дотоле слитных (синкретических) общественных отношений, внутри которых постепенно оформились в качестве автономных пространств жизнедеятельности человека экономика, политика, право, культура и религия. Диверсификация не разрушила общество. Напротив, сложилась целостность более высокого порядка, что показало: система, которой имманентна (лат. *immanens* — свойственный; внутренне присущий) способность к непрерывному самообновлению, является высокочувствительной к инновациям культурного, экономического, технико-технологического и политического порядка. Таким образом, к началу XIX в. в большей части Европы сформировались основы индустриального общества, и его базовым действующим субъектом стал человек современный, в поведенческую программу которого вошли суверенные действия, направляемые самостоятельной оценкой ситуации и рациональным учетом собственных интересов.

Первый момент только зачинавшейся модернизации состоял в **секуляризации***. Прежнее положение, когда сакральная вертикаль европейского мироустройства была единая для всех граждан *Respublica Christiana* (лат. буквально — Христианская Республика), что утверждалось католической (вселенской) церковью, сменяется новым, когда отдельные властители вроде английского Генриха VIII (1491–1547), различные секты и стоявшие за ними сообщества и даже индивиды (в наиболее радикальных случаях Реформации XVI в.) начали сами брать на себя право интерпретировать смысл Священного Писания и основания политического порядка.

Более продвинутой фазой секуляризации (и следующим моментом модернизации) стала **рационализация***: замещение всемогущего Всевышнего столь же универсальным и всеильным Разумом — источником и венцом всяческого бытия. Секуляризация, обратившаяся рационализацией, дала, таким образом, импульс демистификации (расколдованию) мироустройства, а с ним и политического порядка.

Интерпретация

Яркий образ, который стал ключом для понимания «замены» Бога Разумом, был предложен *Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем* в предисловии к «*Философии права*», изобразившим «разум как розу на кресте современности». Превращение креста католической церкви и европейской *Respublica Christiana* в крест Современности влечет замену фигуры Сына Божия абстрактным понятием Разума. При этом роза в качестве символа блаженства, полноты и совершен-

ства служит выражением абсолютности, завершенности и сокровенности как Бога, так и Разума. Для Гегеля преодоление разрыва «между разумом как сознающим себя духом и разумом как наличной действительностью» составляло смысл политического прогресса, который именно Современность в состоянии явить миру.

Разрешение конфликтов между структурами абсолютного государства и «своевольного» гражданского общества начало осуществляться в рамках нового процесса — **конституционализации***. После того как нормативный порядок западнохристианской цивилизации распался на части, которые были присвоены (приватизированы) каждой чувствующей себя самостоятельной личностью, умножены и переработаны структурами возникавших государств и гражданских обществ, общее европейское нормативное наследие воспроизводится заново в виде правового порядка каждой из национальных территориальных политик, а также европейской международной системы. Новый порядок основывается уже не на авторитете Всевышнего и сотворенной им сакральной вертикали власти, а на разумно-прозаическом основании, которые слагаются из переосмысленных фрагментов цивилизационного наследия.

Эта сторона дела была гораздо яснее людям, вовлеченным в *формирование* конституций, чем их далеким потомкам, склонным замечать лишь *результат*, точнее, его форму -- писанный текст. Лидер английских консерваторов, заметный политический мыслитель *Генри Сент-Джон, лорд Боллингброк* в своем знаменитом «*Рассуждении о партиях*» очень точно определил конституцию как «соединение законов, институтов и обычаев, проистекающих из определенных принципов разума и направленных на некие установленные цели общего блага, образующее цельную систему, в соответствии с которой данное сообщество согласилось быть управляемым». Рациональная в своей основе и ориентированная на общее благо система норм только тогда становится конституцией, когда она способна обеспечивать главное: согласие сообщества на то, чтобы им управлял некий суверен (носитель верховной власти). Таким образом, конституция оказывается пактом особого рода, который предполагает неизменное согласие между монополизировавшим насилие суверенным территориальным государством и освобожденным от насилия гражданским обществом, а такое согласие опирается на естественное право (права человека) и на общественный договор (контрактные отношения).

Болезненный конфликт между двумя противоположными по своей сущности образованиями — абсолютистским государством и гражданским обществом — несколько раз выливался в так называемые *ранние буржуазные революции*. Фактически это были революции ранней политической модернизации. Конфликт подобного рода преодолевался посредством кон-

ституций и конституционализма*. Благодаря им и дисциплинирующие устремления государства, и своевольные порывы гражданского общества оказывались в равной мере ограничены и увязаны друг с другом. Конституционная, или ограниченная, монархия в европейских условиях явилась первой завершенной формой современного политического устройства.

Результату ранней модернизации — конституции как рационализованной структурной основы политического порядка — в известной мере отвечает исходный момент средней фазы модернизации — **нацпеобразование*** как самовыражение единства новых политических сообществ.

С тех пор в политической сфере власть в целом и структуры управления начали обретать и развивать свои функции. Это предполагало учреждение разного рода государственных институтов и служб — внутривнутриполитических и внешнеполитических, все более отчетливо дифференцировавшихся и вписывавшихся в предзаданные еще ранним Модерном рамки суверенного территориального государства.

В сфере гражданского общества появились процессы, которые можно обобщить в понятие плюрализации — его структурирование, выделение различных по типу и по характеру интересов и их организация. Под организацией интересов при этом понимается их последовательная идентификация, агрегация, артикуляция и реализация, получавшие соответствующее институциональное оформление.

Тогдашняя жесткость государственной функциональной инфраструктуры, равно как и отчужденность от граждан, а то и засекреченность внешнеполитического ведомства, входили в противоречие с динамичностью организации интересов как в национальных, так и в международных масштабах. Необходимо было снять возникавшие напряжения, конструктивно их преодолеть. Выход был найден в *репрезентации* — постоянном обеспечении ответственности общеполитических решений и курсов, их соотносительности с частными интересами и целями специализированных институтов государственной власти.

Во внутривнутриполитическом аспекте осуществление данной эволюционной задачи было связано с образованием национальных систем представительного правления, что предполагало, помимо запуска механизмов выборов и представительства (делегирования власти), также создание соревнующихся за контроль над государственной властью партий и других влияющих на власть институтов-посредников (от массовых движений до лоббистских организаций). Все это позволяло рационализировать процессы гражданского участия в принятии и осуществлении решений, обеспечить ответственную разработку внутренней и внешней политики.

Во внешнем, международном, аспекте с введением в действие принципа репрезентации нормы международного права (итог раннего Модерна)

были уточнены и дополнены правилами дипломатического представления, а тем самым и согласования политических курсов. С тех пор международная политика утратила свою стихийность, которую она демонстрировала во времена, например, подготовки Вестфальского мира (1648) или Утрехтского мира (1713), становясь все более регулируемой дипломатическими методами, что проявилось в движении от Венской системы (заложена в 1814–1815) к созданию Лиги Наций (1919).

2.3. Примеры влиятельных концепций модернизации политической сферы

Некоторые политологи используют понятия политического развития и модернизации в эпоху Современности почти как синонимы, руководствуясь их общей неопределенностью либо смысловым многообразием. Среди них — *Данквирт Растоу* (1925–1996). В модели политической модернизации Растоу прежде всего выделены три ее ключевые цели: 1) национальное единство; 2) стабильная власть; 3) равенство. Наиболее приемлемыми вариантами модернизационных преобразований он считал пути $2 > 1 > 3$ или $1 > 2 > 3$. Как раз эти две схемы и удалось осуществить большинству государств. Согласно Растоу равенства следует добиваться не ранее достижения национального единства и устойчивости власти, ибо при отсутствии одного из этих компонентов (в случае декларации равенства) велика вероятность распада политического режима и последующей анархии. Без усовершенствованной системы властвования невозможно полноценное разделение труда, а значит, равенство будет установлено в самом примитивном виде, что непременно вызовет протест в обществе. Если политическая идентификация и базис властной системы могут складываться еще в условиях традиционного социума, то политическое участие и равенство — неотъемлемые характеристики модернизированного общества, причем переход к массовому участию длится несколько поколений. Ускоренная, особенно форсированная властью, модернизация способна вызвать завышенные ожидания людей и привести в итоге к революции или реставрации.

«**Слов** Модернизация представляет собой соединение западных (вестернизация) и традиционных влияний... Одновременно с известными преимуществами она приносит с собой опасности и лишения... Последствия модернизации не определены в моральном плане.

Д. Растоу, «*О мире наций*»

Высокий научный авторитет завоевала теория политической модернизации *Хантингтона*, которая определена им как процесс, включающий:

1) рационализацию власти; 2) дифференциацию социальных, государственных и гражданских структур; 3) повышение уровня политического участия. По критерию очередности достижения этих целей ученый выделил три модели модернизации. В континентально-европейском модернизационном процессе преобладали рационализация власти и дифференциация структур. Зарождение современного государства сопровождалось ослаблением аристократии, становлением новых социальных групп, ростом и усилением рационализированной бюрократии, появлением армии нового типа. Преданность церкви и династической монархии уступила место лояльности к государству. Британская институциональная модернизация была во многом схожа с континентальной и характеризовалась переподчинением гражданина государству вместо церкви, централизацией власти, увеличением численности и расширением влияния бюрократии, созданием постоянной армии. Однако, в отличие от процесса на континенте, централизацию власти олицетворял и осуществлял парламент, а не институт монархии. США воспроизвели у себя британские политические институты образца XVI в. и сохранили к ним уважение, а модернизация свелась к росту политического участия. Строеение американской политической системы Хантингтон назвал «уникальным античным анахронизмом» в эпоху Современности, которой свойственны рациональная власть, централизованная бюрократия и тоталитарные диктатуры.

ХАНТИНГТОН (Huntington), Сэмюэл (род. 1927, Нью-Йорк) — видный американский политолог; специализирующийся в сферах сравнительных исследований, теорий цивилизаций и политического развития; эксперт по внешнеполитической стратегии и национальной безопасности США. Его научная деятельность характеризуется плодотворным сочетанием преподавания в ведущих университетах США (например, в Гарварде) и прикладной и общетеоретической аналитики по широкому спектру политических и военных проблем. Кроме того, Хантингтон занимал посты

координатора по планированию при Совете национальной безопасности в администрации Дж. Картера (1977–1978); исполнительного директора, затем директора Центра международных исследований при Гарвардском университете (1975–1976, 1978–1989). Он был избран вице-президентом (1984–1989) Американской ассоциации политических наук, а в 1985–1987 гг. ее президентом. В 1970 г. Хантингтон основал журнал «Foreign Policy» и был одним из его главных редакторов. Неоднократно удостоен премий в области журналистики и политических исследований. С 1989 г. и по настоящее время — директор Института стратегических исследований им. Дж. Олива; состоит действительным членом Американской академии наук и искусств (с 1965 г.).

Автор многих работ: «Солдат и государство: теория и политические аспекты гражданско-военных отношений» (1957, ряд перензд.); «Совместная оборона: стратегические программы в национальной политике» (1961); «Изменение моделей военной политики» (1962); «Политическая власть: США — СССР» (1964, соавт. З. Бжезинский); «Политический порядок в изменяющихся обществах» (1968); «Авторитаризм в политике современных обществ: динамика развитых однопартийных систем» (1970); «Трудный выбор: политическое участие в развивающихся странах» (1976); «Американская политика: неизбежность дисгармонии» (1981); «Дилеммы мировой политики» (1985); «Реформирование американской оборонной сферы» (1985); «Политическое развитие» (1986); «Третья волна: демократизация в конце XX века» (1991); «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) и др. Кроме того, Хантингтон — соавтор и редактор более 10 книг и докладов, среди которых выделяется доклад «Кризис демократии» (1975, соавт. М. Крэзье, Й. Ватануки), подготовленный для международной Трехсторонней комиссии.

Вклад в развитие политической мысли. Помимо вышеуказанного, в круг научных интересов Хантингтона входят общие проблемы демократии, демократизации и модернизации, международные отношения; его работы в этих областях — выражение новейших подходов к изучению политики.

Согласно Хантингтону политическая модернизация есть дестабилизирующее явление, потому главная проблема такого процесса — не свобода, а создание легитимного общественного порядка, устойчивость которого становится основной ценностью. В данной связи его теорию нередко называют консервативной.

Обратите внимание

Хантингтон утверждает, что граждане вполне нормально проживут в условиях политического порядка без свободы, но они не могут пользоваться свободами без порядка. Под последним он понимает способности высокоинституционализированной системы сохранить свою автономию путем включения новых групп в политику таким образом, чтобы они действовали в соответствии с уже принятыми обществом (институционализированными) нормами и схемами политической активности.

В свою очередь, политическое участие для Хантингтона — это энергичная деятельность граждан, влияющая на принятие решений властями, т.е. выборы, лоббизм, членство в организациях, а также насилие.

Хантингтон выделяет два вида модернизации. *Технократическая* модель — это временное ограничение участия граждан, увеличение капиталовложений, экономический рост, который усугубляет неравенство (преж-

де всего в доходах). В *популистской* модели, напротив, главенствует равенство, ради которого увеличиваются возможности политического участия, принимаются меры по обеспечению равного положения людей в материальном плане и, при необходимости, по удержанию темпов экономического роста на относительно низком уровне. Если технократическая схема модернизации, как правило, ведет к использованию принуждения (даже репрессий) для предотвращения широкого участия людей в политике, то популистская способна стать причиной гражданских столкновений из-за резкого расширения подобного участия. Такими доводами ученый показывает несовместимость основных целей модернизации: не равенство влияет на степень политического участия, а именно последнее воздействует на равенство. В этом состоит отличие теории Хантингтона от либеральной модели развития *Д. Лернера* и *С.М. Липсета*, которая предполагает, что увеличение равенства позволяет достичь более высокого уровня политического участия.

Сеймур Мартин ЛИПСЕТ (род. 1922, Нью-Йорк) – американский политолог, сделавший социологический анализ неотъемлемой частью современной политологии; внес значительный вклад в понимание условий демократизации.

2.4. Показательные модели модернизации

Спонтанными (лат. *spontaneus* — произвольный, добровольный) принято считать модернизации, которые зарождались и протекали естественным путем, в процессе постепенного самопроизвольного (т.е. опиравшегося на объективно формировавшиеся силы спроса и предложения) преобразования социально-экономической структуры общества и, как следствие, его политических институтов. Среди спонтанных обычно называют модернизацию Великобритании. (Правда, мощными импульсами для этого процесса послужили отношения метрополия — колонии.) Также к странам «органической» модернизации причисляют бывшие британские *переселенческие колонии*, прежде всего США, где индустриальный способ производства и современные политические институты эволюционировали на свободной от докапиталистических социально-институциональных связей основе.

К **направляемым** обычно относят модернизации в обществах «позднего старта» (Германия, Италия, Россия, Япония и др.), где фактически не оформились независимые от политической власти агенты модернизации. В этих странах государство, во многом под влиянием внешних факторов,

принимало на себя основную ответственность за приспособление хозяйственной и политической систем к инновационным тенденциям в обществах — пионерах модернизации. В обществах «второй волны» модернизации четко просматривается следующая закономерность: чем ниже «точка старта» (т.е. исходный для модернизации уровень в первую очередь экономики), тем насущнее была необходимость государственного вмешательства в общественные процессы. Общества «позднего старта» продемонстрировали в целом успешное осуществление модернизационного проекта, что решительно отличает их от современных переходных обществ, т.е. развивающихся стран, перспективы которых на поприще социально-политической трансформации по сей день, за редким исключением, не приняли конкретных очертаний.

Среди **национальных вариантов** политической модернизации особо выделяется случай *Великобритании*, которая по праву считается первопроходцем данного пути. В этой стране впервые в истории человечества формировались гражданские отношения и институты гражданского общества. Мощным стимулом к развитию современных политических институтов стала опять-таки первая промышленная революция (с 1770–1780-х гг. по 1830-е гг.), закрепившая необратимый характер развития индустриально-капиталистического общества, которое в политической науке принято называть современным. Эта промышленная революция сделала неизбежным появление институтов самоорганизации массовых слоев населения — политических партий, профсоюзов и др. Британское общество к началу 1880-х гг. выходит на современный уровень социального равновесия, который был закреплен с помощью уже сложившегося механизма разрешения циклических кризисов, отлаженной системы политического представительства, устойчивого положения экономики страны в мировом хозяйстве. Значительную роль в упрочении экономических и политических основ британского общества сыграла четко и ритмично действовавшая система отношений метрополия — колонии, позволявшая эффективно использовать природные и человеческие ресурсы обширных территорий, зависимых от Короны.

Во *Франции* политическая модернизация началась заметно позже, чем в Великобритании, и несколько раз прерывалась. Видный европейский политик экс-президент страны *Валери Жискар д'Эстен* (род. 1926) в книге «*Власть и жизнь*» отметил: «В ряду великих держав Франция стоит среди тех, кто хуже всех управляла своим общественным развитием: французское общество эволюционировало хаотически, преодолевая многочисленные препятствия и ограничения революционными рывками». Период официального признания гражданского общества растянулся с 1789 по 1830 г. Однако и после Июльской революции потребовался почти век на создание

дееспособной системы представительной демократии, окончательная институционализация которой состоялась в конце 1950-х гг.

Политическая модернизация в *Германии* происходила под знаком консервативной эволюции. Это была явная модернизация сверху, отражавшая, однако, насущные потребности всего германского культурно-политического пространства. Политическую модернизацию в данной стране подталкивали, с одной стороны, форсированный экономический рост, а с другой — немецкие консерваторы во главе с личностью исторического масштаба *Отто фон Бисмарком* (1815–1898). Темпы и размах демократизации общества постоянно корректировали внешнеполитические условия, требовавшие полного сплочения немецкой нации вокруг государства и его институтов.

В *Японии* модернизация оказалась едва ли не единственным способом сохранения ее национально-цивилизационной идентичности и политической независимости. Перестройка экономики, прежде всего военной промышленности, нуждалась в выработке так называемой мобилизационной стратегии развития, посредством которой в 1880–1930-е гг. страна совершила мощный экономический рывок. В рамках мобилизационной модели у политического представительства было мало возможностей для легитимизации и институционализации.

Частный случай политической модернизации — *Россия*. Не случайно страну причисляют к государствам поздней индустриализации, где особенности нациообразования и социально-исторического опыта не опозрили развитие демократических начал в политической культуре, а так называемое оборонное сознание никак не позволяло сформироваться личности как базовому субъекту политического процесса. Начиная с петровских преобразований, модернизация России фактически имела закрытый характер. Русский парламентаризм с октября 1905 по октябрь 1917 г. вряд ли можно считать периодом реальной подготовки к институционализации системы политического представительства в стране. Наконец, следствием отсутствия в обществе массовых слоев — сознательных носителей идеи демократии (аналогов современного среднего класса) привело к скоротечному демонтажу едва начавшей свое становление системы представительства интересов и к ее замене в 1917 г. режимом «диктатуры развития».

Значительная заслуга в разработке парадигмы «позднего старта» принадлежит *Гершенкрону*. Для политической науки особенно важны два положения из его исследований, имеющие непосредственное отношение к теме модернизации.

1. Чем ниже исходный уровень развития страны, с которого берет начало модернизация, тем более активную роль призваны сыграть замещающие институциональные факторы: достаточно вспомнить деятельность

крупных банков в Германии или министерства финансов в царской России на этапах форсированного экономического роста.

2. В обществах «позднего старта» исключительна значимость фактора идеологии модернизации, непосредственно влияющего как на формирование среднесрочной и долгосрочной политики государства, так и на текущую внутривнутриполитическую ситуацию.

Идеи Гершенкрона особенно полезны для разработки моделей развития нынешнего третьего мира, частью которых является концепция политической модернизации.

2.5. Переходные общества в процессе политической модернизации: теории и действительность

Анализу сложных, «неклассических» социально-политических процессов в переходных обществах, отличающихся разнообразием экономических, этнодемографических и культурных условий, отведено видное место в политической науке. Это закономерно: переходные общества (развивающиеся страны) занимают основную часть мировой суши, именно здесь сосредоточены самые значительные человеческие ресурсы Земли. Помимо этого характер демографических процессов в зоне переходных обществ имеет явно выраженную тенденцию к углублению уже существующего разрыва в численности населения ведущих индустриальных стран, с одной стороны, и довольно аморфного массива развивающихся обществ — с другой. Разработка форм и способов ускорения экономического и культурно-социального развития столь огромной массы людей, а равно и методов политического управления общественными процессами на заселенном ими пространстве стала, пожалуй, одной из самых неотложных задач мировой науки.

Переходные общества — это конгломерат наций и государств, куда входят сегодняшние развивающиеся страны, «новые демократии» Восточной и Центральной Европы, а также южноевропейский регион (за вычетом Италии), где процессы политической модернизации приобрели устойчиво необратимый характер с середины 1970-х гг. Данная общность, будучи внутренне неоднородной (трудно сопоставлять показатели члена Евросоюза Испании и, например, вовсе не безнадежно отсталого Таиланда), все же как *типологический класс* отличается от обществ — пионеров модернизации по таким значимым факторам, как уровень развития производительных сил, прежде всего их духовно-интеллектуальных составляющих, степень однородности или дуализма хозяйственной и социальной систем, положение в мировой политике и т.п.

Развитие переходных (транзитных; англ. transitional) обществ в условиях нарастания тенденций глобализации ставит перед политической нау-

укой проблемы *универсального* характера. Ученые энергично и небезуспешно занимаются существом сформулированных ниже исследовательских тематик.

1. Степень вероятности преодоления с помощью умелого политического управления общественными процессами и в исторически уплотненные сроки экономического и социально-культурного дуализма, сохранившегося от прежних эпох и в настоящее время усугубляемого факторами глобализации.

2. Выявление параметров оптимальной хозяйственной модели, способной обеспечить ускоренный, но без социально-политических потрясений переход общества из традиционного (доиндустриального и раннеиндустриального) в современное (индустриальное и научно-техническое) качество.

3. Возможность институтов политического представительства, сформированных до начала общей модернизации, облегчить трудности «межформационного» перехода и создать благоприятные условия для массового участия в назревших социально-экономических, политических и культурных преобразованиях. Иначе говоря, это проблема легитимизации политической системы в обществах, подвергающихся глубокой и всесторонней модернизации.

Изучение политической модернизации прошло несколько методологически значимых этапов. Динамика политической мысли, как в зеркале, отражала процессы деколонизации, которые активно развивались по окончании Второй мировой войны. Ее итоги отнюдь не сводились к изменению общей конфигурации геополитических сил на европейском театре бывших военных действий. После 1945 г. открыто проявились тенденции и процессы, которые если и существовали раньше, то в скрытой форме. Политические изменения в Индонезии, Индии, Вьетнаме, Алжире — вот лишь несколько исторически значимых моделей завоевания независимости, которые отразили новое состояние мировой политики, определившиеся с возникновением такого непривычного *массовидного* субъекта международных отношений, как общность развивающихся стран. Конституирование этого «неклассического» политического актора наметило и концептуальные задачи политической науки на Западе. Фактически политологам пришлось одновременно искать ответ на два весьма сложных вопроса: во-первых, добиваться достоверного и, по возможности, ясного представления о новых политиях, для того чтобы точно прогнозировать поведение новообразованных политических субъектов во внешнем мире, во-вторых, с высокой степенью соответствия реальности предположить векторы и временные этапы развития в таких странах модернизационных процессов.

Столь оригинальная проблема могла быть решена в максимально сжатые сроки — а это требовалось для научного обеспечения политики заинтересованных западных государств — лишь за счет концентрации и перепрофилирования лучших творческих сил из сферы политологии и смежных с ней социальных дисциплин. Осуществление масштабного стратегического замысла стало возможным в результате активной, хорошо скоординированной и целенаправленной деятельности правящей элиты промышленно развитых стран, прежде всего США, где были сосредоточены ведущие в то время политологи. Несомненным стимулом для американских ученых и их привлеченных европейских коллег на новом творческом поприще была необычность поставленных задач: исследование процессов модернизации в «неклассических» условиях требовало дополнительных интеллектуальных усилий, в частности апробирования уже испытанных американской действительностью парадигм научного знания в среде бесконечного разнообразия историко-культурных условий, напрямую влиявших на воспроизводство «туземных» политических систем. Первые концепции модернизации увидели свет на рубеже 1950–1960-х гг.

Психологическим фоном этих исследований был повсеместный оптимизм, своеобразно отражавший довольно высокие темпы роста экономики Запада; это было время ожидания грядущих перемен, веры во всемогущество научно-технического прогресса. Западные концепции модернизации той поры нужно оценивать *исторически* — с позиций убежденности их разработчиков в том, что, преодолев отсталость и бедность, можно сформировать в сжатые сроки развитое общество и «правильную» политическую систему там, где доселе не было даже ростков гражданских отношений и protoиндустриальных форм хозяйственной деятельности.

Истоки современных теорий политической модернизации можно проследить по двум основным направлениям: методологическому и конкретно-практическому. В области *методологии* западная политология решала проблемы понимания и описания обществ, не включенных ранее в рамки традиционного политического анализа (неоднородность социальной структуры, фактическое отсутствие сколь-нибудь массовых носителей идей модернизации, сложное соподчинение экономических, этнокультурных, местных интересов и т.д.). Очевидной *политико-прикладной* задачей политологии стала выработка внятных рекомендаций американскому и другим западным правительствам, намеревавшимся сформулировать среднесрочную и долгосрочную стратегию действий в отношении абсолютного большинства человечества. Это было жизненно необходимо Западу в условиях обострявшегося «холодного» противостояния двух альтернативных политических систем.

Действительно, теория модернизации возникла в США и развивалась как своего рода философское обоснование внешнеполитического курса этой страны в отношении государств Азии, Африки и Латинской Америки, которые рассматривались как потенциальный ресурс, способный обеспечить мировое лидерство Соединенных Штатов. Первоначально теория модернизации опиралась на идейное наследие кейнсианства, т.е. рассчитывала на преобразование (осовременивание) переходных обществ в ходе индустриализации, подкрепленной западной экономической помощью и стратегическими инвестициями, способными, как тогда полагали, создать побудительные стимулы для развития современных политических институтов. Не меньшее значение для теории модернизации имела и политическая составляющая. Первоначально западная политология выдвинула идею универсальности демократических ценностей, линейности перехода от традиционного к современному обществу, ориентируясь на социологические теории позитивистов, в частности Конта, Спенсера, Дюркгейма, Тённиса, а также на идеи Вебера. Основой политологических концепций модернизации стала так называемая социология развития, использующая в качестве методологической базы *структурный функционализм*, представители которого в исследовании общества руководствуются принципами системного анализа социальных объектов посредством статичных структур и динамичных функциональных категорий.

Скоро выяснилось, что незападные общества иначе, чем предусмотрено общей теорией, реагируют на импульсы модернизации. В частности, массовый приток западных капиталовложений во многих случаях (особенно в африканских государствах) укреплял позиции традиционалистских сил, так что модернизация превращалась в видимость: современные институты использовались консерваторами для укрепления их контроля над обществом и блокирования политической социализации массовых слоев населения.

Поскольку поток инвестиций в экономику переходных обществ направлялся без учета нюансов их социально-институциональной среды (отсутствовали институты, способные воспринять идеи и технологии, а рационалистические взаимоотношения между предполагаемыми акторами процесса модернизации еще не сформировались), то кризис теорий «рыночного решения» заставил задуматься о подходах, которые позволили бы заняться проблемой с другой стороны. Их смысл состоял в стремлении сначала добиться качественных сдвигов в мировоззрении традиционно ориентированного человека посредством его регулярного участия в избирательном процессе и — уже на индустриальной основе — попытаться соединить его преобразованное политическое сознание с современным экономическим образом мышления. Иначе говоря, через публичный

политический процесс все базовые параметры традиционного общества (личность, социальная структура, политическая система и т.п.) были призваны трансформироваться в направлении их приспособления к целям и задачам индустриального производства.

Вышеописанные малоуспешные подходы были скорее теоретико-методологического плана. Подлинная заслуга исследователей модернизации — конкретное рассмотрение политических аспектов противоречивого перехода от до- и раннеиндустриального к индустриальному состоянию общества. В работах *Алмонда, Пая, Дж. Бингэма Пауэлла* (род. 1942), *Сиднея Вербы, Алекса Инкельса* (род. 1920) и их многочисленных сподвижников содержится добротный эмпирический материал, позволяющий живо представить себе и институциональное, и человеческое измерение политического процесса, т.е. прочувствовать перестройку внутреннего мира самого человека, включая структуры сознания и культуры.

Обратите внимание

Видимо, стоит признать, что в советской литературе не нашлось (в силу конкретных политических обстоятельств) ученых, которые бы продолжили линию, ассоциирующуюся с именем и работами *Бориса Федоровича Поршнева* (1905–1972). Увлечение описанием закономерностей межформационных переходов отвлекло внимание от исследования собственно человека как главного субъекта исторического политического процесса. Отсутствие научного осмысления феномена человека невозможно было восполнить абстрактными рассуждениями о «важной роли субъективного фактора в жизни общества».

Теории политической модернизации — это живое, противоречивое, развивающееся научное знание. Исследование столь сложносоставных обществ, каковыми являются, например, индийское, индонезийское или бразильское, не говоря уже об африканских полигиях, предполагает междисциплинарный подход, объединяющий рассмотрение экономики, политики, быта, нравов, цивилизационной модели развития.

Понятие *теорий модернизации* не означает целостного научного направления: это своеобразная совокупность методологически неоднородных концепций, моделей, логических приемов анализа, цель которых — объяснить природу социально-политического развития, избегая упрощенных представлений о безальтернативности и линейности индустриально-капиталистического прогресса, выявить причины отклонения развития переходных обществ от якобы эталонных путей, разработанных в эпоху Просвещения и проторенных промышленными революциями. В последние

десятилетия вновь усилился научный интерес к политической модернизации в связи с событиями и процессами, собирательно именуемыми «волнами демократизации», что обусловлено несколькими обстоятельствами. 1. Начался очередной — *третий* — этап развертывания процессов массовой политической социализации развивающихся обществ — абсолютного большинства народонаселения нашей планеты. Многомиллионные массы населения в исторически краткие сроки переходят в состояние организованной активности и остро ставят вопросы о перегруппировке сил в мировой системе.

2. Разнообразие экономических, социокультурных, этнодемографических условий в современных переходных обществах проявляется в множественности конкретно-политических форм межстадиального перехода. Иными словами, анализ основных параметров демократического транзита предполагает обязательное исследование специфических траекторий развития осовременивающихся социумов. 3. «Волны демократизации» есть не что иное, как нерегулируемое включение в политический процесс массовых групп населения, смысл которого — нарастающий поток требований к своему государству и политической системе в целом. Учитывая невозможность за какие-то 10–15 лет вывести конкретную национальную экономику на качественно более высокий уровень, становится понятным, что политическая система данного общества довольно быстро достигнет предела своих возможностей мирного согласования интересов, за которым вполне вероятны резкое обострение гражданских конфликтов и попытка принудительного, вплоть до насилия, разрешения общественных противоречий.

Таким образом, модернизация, представлявшая еще в прошлом веке специфически организованный переходный период, в начале XXI столетия превращается в типологическое состояние, в довольно длительное межстадиальное движение со своими закономерностями, культурными и идейными предпочтениями, вариантами политико-институциональных изменений. Все это уже нельзя вписать в устаревшую схему «современный экономический рост > становление системы политического представительства». Тем более что политологи доказали: сам экономический рост (за исключением «новых индустриальных обществ» Дальнего Востока) так и не смог подчинить своим законам социальное

*Плакат рубежа XIX–XX вв.,
прославляющий цивилизаторскую
миссию Германии.*

Роберт МЕРТОН (1910, Филадельфия – 2003, Нью-Йорк) – выдающийся американский социолог, внесший значительный вклад в развитие теории социальных наук.

пространство в полном его объеме, чтобы создать «модернизированного» человека.

Стратегическая ошибка некоторых прежних концепций политической модернизации заключалась в следующем. Структурные особенности переходных обществ нередко затушевывалась талантливо построенными эмпирико-аналитическими моделями, сравнивавшими основные составляющие классической модернизации с паличными условиями в нынешних развивающихся обществах. В подобных моделях, как правило, были зафиксированы важные, но производные от характера социальной структуры параметры политической сферы, такие как отсутствие профессионально подготовленной и способной к повседневному управлению элиты, мозаичность политической культуры (особенно в Африке), исчетность представлений о целях развития общества и его ресурсном потенциале и т.п. Сейчас

такой подход вряд ли пригоден для решения вновь накопившихся модернизационных проблем, тем более в научном плане.

Несколько десятилетий тому назад попытка исследовать человеческое измерение модернизации заведомо предполагала обращение к такому методологическому направлению в познании общества, как структурно-функциональный анализ, избегавшему, как представлялось, недочетов и макросоциологического и конкретно-эмпирического подходов. Как известно, наибольшее влияние на концепции политической модернизации оказали идейные системы *Парсонса* и *Роберта Мертона*. Они привлекали аналитиков модернизации тем, что были направлены на выявление механизмов поддержания общества в равновесном состоянии, его ограждения от нежелательных «революционных» потрясений, снятия напряжений в политической системе. Взгляды Парсонса, Мертона и других корифеев функционализма подверглись затем основательному переосмыслению и адаптации к политическим условиям переходных обществ. Подобная тенденция в политической науке весьма убедительно представлена в работах *Алмонда* и *Аннера*. Эти ученые разработали достаточно гибкую и эффективную методологию, сохранив жизнеспособные положения функционализма. Повышение устойчивости политических систем на мировой периферии представлялось им в виде структурной и функциональной дифференциации традиционных обществ, возникновения в них социальных связей современного рационалистического типа и, как кульминация всего процесса, легитимизации институтов политического представительства.

Алмонд, Аптер и их последователи, однако, ограничивали свою задачу описанием явлений и процессов исключительно в политической сфере, особо не вникая в их социально-экономическую причинность. Копирование моделей этих авторов привело к тому, что еще в большинстве недавних исследований проблем развития политические процессы были произвольно отделены от социально-экономических. Поэтому в работах сторонников структурно-функциональной школы политическая реальность предстает как некая замкнутая совокупность взаимозависимых институтов, основная задача которых сводится к поддержанию политической системы в равновесном состоянии. Критика изъянов структурно-функционального метода в его применении к переходным обществам отнюдь не означает отрицания значительного вклада, который функционалисты внесли в построение общей теории модернизации, особенно заметного при дальнейшем анализе партий и партийных систем в переходных обществах.

Политологи, специализирующиеся в изучении партийной жизни, логически выделяют две основные функции партий вне зависимости от степени структурно-функциональной сложности политических систем. Это функции мобилизации и организации. Мобилизационная модель предполагает, что основная задача партий сводится к ликвидации отчуждения между слабополитизированными или вовсе не участвующими группами населения и «политическим классом». Исполняя данную роль, партии расширяют социальное пространство современной политики и тем самым повышают пластичность политической системы, ее способность реагировать на новые вызовы общества. Партия, иначе говоря, может стать сознательной силой политического воспитания, тогда как основные формы ее деятельности — участие в избирательном процессе и повседневное общение политиков со своим электоратом. Однако в переходных обществах свои мобилизационные возможности партии осуществляют через адекватные организационные условия, преодолевая в своей деятельности два последовательных этапа: 1) политическую социализацию населения; 2) реальную интеграцию граждан в публичный политический процесс (т.е. укрепление основ политической системы).

В обстоятельствах сегодняшних переходных обществ, с их неотлаженностью механизма согласования интересов и с недостаточной структурно-функциональной дифференцированностью самого социума, говорить о теоретически завершенных моделях партий пока преждевременно. Речь может идти о некоем сочетании мобилизационного и организационного начал. Это диктует потребность ускорить создание институциональных структур, своим влиянием пронизывающих общество по вертикали, вплоть до самого основания социальной пирамиды.

Основную проблематику политической модернизации логически завершает объемная и комплексная тема, которую принято называть *strate-*

гий развития. В упрощенном объяснении стратегия развития — это средне- и долгосрочная политика, нацеленная на повышение жизнеспособности переходных обществ, на приспособление их экономической и политической структур к необходимости многостороннего взаимодействия с индустриальными государствами, особенно в условиях глобализации.

Интерпретация

В 1970-е гг. была предпринята попытка сформулировать факторы, уточняющие задачи стратегии развития. Такого рода стратегия, утверждал, в частности, индийский политолог *Раджни Котхари* («Демократическая политика и социальные изменения в Индии: Кризис и возможности», 1976). должна быть ориентирована сразу на несколько взаимосвязанных направлений. Тем самым модернизация подразумевает одновременное осуществление следующих политических инициатив: 1) интеграция разнородных социальных и этнических компонентов общества; 2) экономический рост, ориентированный на повышение жизненного уровня населения и на смягчение возникающих конфликтов; 3) утверждение социальной справедливости в качестве одного из принципов межличностных отношений; 4) институционализация политической демократии в социальной системе, где глубоко укоренились статусная (или кастово-сословная) иерархия, а власть удерживает ограниченный круг лиц.

Можно по-разному оценивать научный и практический потенциал теорий политической модернизации сейчас, четыре десятилетия спустя после первых опытов преобразования обществ, ныне именуемых переходными. Но нельзя не заметить, что это направление политологических исследований оказалось очень полезным для понимания процессов гигантского масштаба и особой общечеловеческой значимости, а также и для управления ими. Теоретики модернизации были, пожалуй, первыми, кто обратил серьезное внимание на необходимость оперативной и глубокой трансформации обществ, включающих в себя $\frac{3}{8}$ мирового народонаселения. Сверх того, Алмонд и его последователи были одними из первых, кто попытался применить методологические принципы теории модернизации к условиям тех стран Европы, которые образуют «вторую волну» индустриального развития.

Вопросы для семинарского занятия

1. Оцените вклад философии Просвещения в развитие представлений о политических изменениях. Какие факторы способствовали этому?
2. Возможно ли политическое развитие в условиях авторитарного режима или оно является атрибутом и функцией только демократического режима?
3. Оправдано ли представление о традиционных обществах как о «примитивных и отсталых»?
4. Какие предпосылки необходимы для образования основ современного общества?
5. В чем отличие государственного переворота от революции? Может ли переворот сравниться по своим последствиям с революцией?
6. Приведите примеры революций сверху в России. Каковы их результаты по сравнению с революциями снизу?
7. Назовите основные исторические и методологические истоки теории модернизации.
8. Каковы наиболее приемлемые варианты модернизационных преобразований в концепции Д. Растоу?
9. Какое влияние оказывает на общую теорию модернизации интенсификация процессов экономического и политического развития, глобализации и регионализации?
10. Какова специфика обществ «позднего старта»? Какие факторы, по вашему мнению, определяют разные достижения обществ «позднего старта», в т.ч. России?
11. Можно ли считать 70-летний советский период истории России попыткой реализации модернизационного проекта? Если да, то в чем состоят его особенности?

Тексты

- Будон Р. *Место беспорядка. Критика теорий социального изменения*. — М., 1998.
- Гидденс Э. Последствия модернити. — *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. — М., 1999.
- Гидденс Э. *Социология*. — М., 1999.
- Лейпхарт А. *Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование*. — М., 1997.
- Парсонс Т. *Система современных обществ*. — М., 1997.
- Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели. — *Полис*. — 1996. — № 5.

- Дойч М. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы). — *Политология: Хрестоматия* (сост. М.А. Василик). — М., 2000.
- Законодательный процесс в России: граждане и власть (ред. А.А. Захаров). — М., 1996.
- Gross V. Political Process. — *International Encyclopedia of Social Sciences*, vol.12 (Greenstein F., Polsby N., eds.)/ — N.Y. — London, 1968.
- Simon H. *Administrative Behavior: The Study of Decision-Making Processes in Administrative Organizations*. — N.Y., 1997.

Дополнительная литература

- Василенко И.А. *Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия*. — М., 2000.
- Государственное управление: основы теории и организации* (ред. В.А. Козбаненко). — М., 2000.
- Законодательный процесс в США* (ред. С.А. Кочерян). — М., 1990.
- Косолапов Н.А. Политико-психологическая типология конфликта. — *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность* (ред. А.Д. Воскресенский). — М., 2000.
- Купряшин Г.Л., Соловьев А.И. *Государственное управление*. — М., 1996.
- Лоббизм в России: этапы большого пути. — *Социс*. — 1996. — № 3.
- Макаренко Б.И. Указы и законы: процесс принятия законодательных решений. — *Полития*. — 1997. — № 3.
- Нагель С. Соединяя капитализм, социализм и демократию. — *Соединяя капитализм, социализм и демократию: практическая политика в России и США* (ред. В. Рукавишников, С. Нагель). — М., 1999.
- Салмин А.М. Политический процесс и демократия. — *Социально-политические науки*, 1991. — № 6.
- Скидмор М. Дж., Трипп М. К. *Американская система государственного управления*. — М., 1993.
- Соловьев А.И. Противоречия согласительных процессов в России. — *Полис*. — 1996. — № 5.
- Lindblom Ch., Woodhouse E. *The Policy-Making Process*. Englewood Cliffs, 1993.